
ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2(46)
2025**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-86391 от 11 декабря 2023

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2025

Корректор

О. В. Балашова

Верстка оригинал-макета

Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

Владимирский государственный

университет имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 03.10.25

Заказ № 16499

Выход в свет 25.11.25

Бесплатно

Формат 70×108/16

Усл. печ. л. 9,07

Тираж 500 экз.

Издательство

Владимирского государственного

университета имени Александра

Григорьевича и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано с готового

оригинал-макета

в типографии ООО «Аркаим».

600017, г. Владимир, ул. Кирова, 14 Г

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петрови́чева</i>	доктор ист. наук, профессор директор Гуманитарного института ВлГУ (главный редактор серии)
<i>Е. И. Ари́нин</i>	доктор филос. наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения ВлГУ (зам. главного редактора серии)
<i>К. А. Аверья́нов</i>	доктор ист. наук, профессор ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>А. Ю. Бенди́н</i>	доктор ист. наук профессор кафедры богословия Института теологии БГУ (Беларусь)
<i>И. Дерети́ч</i>	доктор философии профессор кафедры философии Белградского университета (Сербия)
<i>М. П. Жигало́ва</i>	доктор пед. наук профессор кафедры лингвистических дисциплин и межкультурных коммуникаций Брестского государственного технического университета (Беларусь)
<i>Ю. В. Кривоше́ев</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой историч. регионоведения СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапи́шина</i>	доктор ист. наук, профессор зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
<i>Ж. В. Латы́шева</i>	доктор филос. наук, доцент зав. кафедрой ЖРСО ВлГУ
<i>А. В. Лубко́в</i>	доктор ист. наук, профессор ректор МПГУ
<i>А. В. Марко́в</i>	доктор филол. наук, профессор профессор кафедры кино и современного искусства РГГУ
<i>Н. М. Марко́ва</i>	кандидат филос. наук, доцент зам. директора Гуманитарного института ВлГУ
<i>С. А. Марты́анова</i>	кандидат филол. наук, доцент зав. кафедрой русской и зарубежной филологии ВлГУ
<i>Ю. Г. Матуша́нская</i>	доктор филос. наук, профессор профессор кафедры религиоведения Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ
<i>А. С. Минако́в</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России МПГУ
<i>С. С. Новико́в</i>	доктор ист. наук, доцент профессор кафедры теории и истории государства и права ВлГУ
<i>М. В. Пимено́ва</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой русского языка ВлГУ
<i>Л. В. Рацибу́рская</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка и общего языкознания ННГУ
<i>С. И. Ресня́нский</i>	доктор ист. наук, профессор профессор кафедры истории России Средних веков и Нового времени ГУП
<i>В. В. Сердечна́я</i>	доктор филол. наук доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения КубГУ
<i>А. С. Тимошу́к</i>	доктор филос. наук, доцент профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
<i>Т. Е. Шаповало́ва</i>	доктор филол. наук, профессор зав. кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГУП
<i>А. В. Ляпа́нов</i>	кандидат ист. наук, доцент доцент кафедры истории России ВлГУ (отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Г. Д. Горячев

Неправославные христианские общины Владимирской губернии
во второй половине XIX – начале XX в. 7

Н. И. Горская, Г. В. Кривченков

Институт мировых посредников Смоленской губернии
(1861 – 1874 гг.) 15

В. В. Гурина

Взаимосвязь правовых и религиозных регулятивов
общественных отношений в российском обществе
в позднеимперский период 23

ФИЛОЛОГИЯ

Н. В. Корнилов

Вопрос о характере грамматической связи в аппозитивных
сочетаниях в работах А. М. Пешковского..... 28

В. К. Никитина

Метафора как инструмент концептуализации в современной
медиатекстуальной практике 33

М. В. Пименова, Е. А. Кузнецова

Структурно-семантические модели однокорневых синкретем
(на материале текстов учительной литературы
Древней Руси) 37

Е. В. Сирота

Синкретические потенции синтаксической категории цели 42

ФИЛОСОФИЯ

А. И. Иваненко

Парадигмальные особенности исихазма 56

К. С. Степшина, М. С. Лютаева

Гиперреальные религии как пример взаимопроникновения
популярной культуры и религии 64

Сведения об авторах..... 76

CONTENTS

HISTORY

G. D. Goryachev

Non-orthodox Christian Communities of the Vladimir
Province in the Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century 7

N. I. Gorskaya, G. V. Krivchenkov

Institute of Peace Arbitrators in the Smolensk Province
(1861 – 1874) 15

V. V. Gurina

Intrconnections of Legal and Religious Regulations
of Social Relations in Russian Society in the Late Imperial Period 23

PHILOLOGY

N. V. Kornilov

Question of the Nature of Grammatical Connection
in Appositive Combinations in the Works of A. M. Peshkovsky 28

V. K. Nikitina

Metaphor as a Tool of Conceptualization in Modern Media Discourse 33

M. V. Pimenova, E. A. Kuznetsova

Structural-Semantic Models of Single-Root Syncretems
(based on the Texts of Teacher`s Literature of Ancient Rus`) 37

E. V. Sirota

Syncretic Potentials of the Syntactic Category of Purpose 42

A. I. Ivanenko

Paradigmatic Features of Hesychasm 56

PHILOSOPHY

A. I. Ivanenko

Paradigmatic Features of Hesychasm 56

K. S. Stepshina, M. S. Lyutaeva

Hyperreal Religions as an Example of Mutual Influence
of Popular Culture and Religion 64

Information about the authors 78

НЕПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена истории христианских общин неправославного толка Владимирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Освещаются история возникновения и распространения старообрядческой, римско-католической и евангелическо-лютеранской конфессий во Владимирской губернии, взаимоотношения представителей данных течений со светской и духовной властью, а также судьба каждой из общин. Источниками выступают материалы Государственного архива Владимирской области (ГАВО) и периодической печати.

Ключевые слова: христианство, православие, старообрядчество, раскол, католичество, лютеранство.

На основании изученных материалов и источников, посвящённых истории религиозных течений во Владимирском крае во второй половине XIX – начале XX в., можно сделать вывод, что одной из наиболее распространённых религиозных групп, не принадлежавших к официальному православию, было старообрядчество. В официальных документах представителей этого течения именовали раскольниками вплоть до 1905 г. [8, л. 30].

Первые упоминания о раскольниках на территории Ковровского уезда относятся к концу XVIII – началу XIX в. Например, в документе за 1809 г. отмечается присутствие двух основных направлений старообрядчества: «спасовщины, или беспоповщины, и некоторой части перекрещенцев» [3, л. 99 об.].

Наибольшая концентрация старообрядцев во Владимирской губер-

нии в конце XIX в. наблюдалась в Ковровском уезде. Крупнейшие старообрядческие приходы находились в сёлах Любец и Малые Всегодичи, хотя староверы проживали также в деревнях Суханиха, Дубровка, Федулово и селе Большие Всегодичи.

Однако несмотря на наличие значительного количества общин, Ковров и его уезд не считались крупным центром старообрядчества. Доля представителей раскола в общей численности населения города и уезда до 1917 г. не превышала 1 %. Согласно статистическим данным за 1836 г., в самом городе Коврове староверы отсутствовали, предпочитая проживать в сельской местности. В «Ведомости старообрядческих сект по Ковровскому уезду» за 1836 г. указано, что общее количество старообрядцев составляло 698 человек, включая: «перекрещенцев разных сословий – 91,

беспоповщина разных сословий – 510, поповщина разных сословий – 12» [4, л. 7].

Во время правления Николая I преследования ревнителей старой веры значительно усилились, что привело к заметному сокращению их численности. Если в 1836 – 1837 гг. в Ковровском уезде насчитывалось 698 старообрядцев, то в 1840 г. их количество уменьшилось до 385 человек, а к 1856 г. достигло минимального показателя в 128 человек [5, л. 8 – 10 об.].

С началом Великих реформ императора Александра II интенсивность гонений на раскольников начала снижаться, что способствовало некоторому изменению их положения. Министерство внутренних дел приступило к созданию «Наставления для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскольников относящимся» [20, с. 87].

Согласно новым положениям преследование старообрядцев за их религиозные убеждения было запрещено. Однако им запрещалось пропагандировать свою веру и уклоняться от соблюдения общепринятых норм. Гражданским властям предписывалось строго следить за тем, чтобы представители раскола не проводили открытые богослужения. Запросы членов старообрядческих общин на проведение браков и похорон по их религиозным канонам предписывалось игнорировать, мотивируя это политикой невмешательства в дела, противоречащие позиции Русской православной церкви. Кроме того, действовал строгий запрет на въезд в страну старообрядческих священников из-за рубежа, а также на строительство новых хра-

мов, скитов и моленных домов. Несмотря на жесткий характер данных мер, введение официального наставления, четко определяющего права и ограничения, способствовало некоторому улучшению условий жизни раскольников.

Среди ковровских старообрядцев выделялись известные купеческие семьи, такие как Большаковы, Першины и Треумовы. Последние занимали особенно важное место в жизни Ковровского уезда. Иван Андреевич Треумов, формально числившийся православным, вероятно, сделал это из-за многочисленных препятствий, с которыми сталкивались староверцы в коммерческой деятельности, строительстве промышленных объектов, а также из-за временного запрета на вступление раскольников в купеческое сословие. Некоторые факты, однако, указывают на его связь со старообрядчеством. Например, на его ткацкой фабрике в селе Горки Ковровского уезда, построенной в 1870 г., работало значительное число старообрядцев.

26 февраля 1874 г. на заседании Ковровской городской думы купец первой гильдии Николай Андреевич Першин был избран городским головой. В это время мужчины семьи Першиных, как и представители семьи Большаковых, неоднократно избирались в состав гласных городской думы и уездного собрания, что свидетельствовало об их активной роли в общественной жизни региона. Владимирский губернатор Владимир Николаевич Струков придерживался мнения, что назначение раскольника на государственную должность в регионе с преобладающим православным насе-

лением является недопустимым. Однако после отказа губернатора в утверждении Николая Андреевича Першина на пост главы города Коврова городская дума начала активное ходатайство, направленное на поддержку его кандидатуры. Для переговоров с губернатором была сформирована специальная депутация из четырёх человек. После встречи с представителями думы Струков изменил своё первоначальное мнение и направил письмо в Санкт-Петербург, в котором отметил, что многочисленные положительные отзывы о Першине и уверенность членов городской думы в его благонадёжности снимают все сомнения относительно его назначения. Тем не менее в столице позицию губернатора не поддержали. Министр внутренних дел Александр Егорович Тимашев через губернского статс-секретаря передал ответ, в котором генерал-адъютант выразил мнение о том, что считает «неудобным» назначение раскольника на столь значимую государственную должность [15, с. 161].

Любовь и уважение народа к семье Першиных объясняются их значительным вкладом в развитие города. Николай Дмитриевич Першин, дядя Николая Андреевича, в 1851 – 1854 гг. занимал пост городского головы Коврова, а также был попечителем городской больницы в 1851 – 1853 и 1854 – 1862 гг. Он прославился крупными пожертвованиями во время Крымской войны и стал единственным ковровчанином, удостоенным шейной медали на Аннинской ленте в память войны 1853 – 1856 гг. Кроме того, в 1897 г. на территории Расковой Мызы

ковровский купец второй гильдии Степан Яковлевич Шкинев совместно с компаньоном Фёдором Фёдоровичем Першиным основали чугунно-литейную мастерскую, которая впоследствии переросла в современный «Ковровский электромеханический завод». В мастерской работали 48 человек, включая 20 малолетних рабочих.

23 апреля 1879 г. в Коврове была открыта старообрядческая богадельня, а 31 мая того же года император Александр II направил благодарственное письмо в адрес ковровских старообрядцев за их щедрое пожертвование в размере 10 тысяч рублей на строительство богадельни для инвалидов. В дальнейшем эта богадельня стала одним из известных старообрядческих монастырей Спасова согласия.

Немцы-лютеране начали появляться во Владимирской губернии в начале XVII в. в ходе освоения центральных регионов России. Среди них были ремесленники, ищущие постоянное место для жизни и работы, а также купцы, путешествовавшие с товаром по стране и постепенно оседавшие в городах в роли стационарных торговцев. К концу 1830-х гг. во Владимире сложилась полноценная немецко-лютеранская община, представители которой занимались различными профессиями, включая железнодорожное дело, преподавание в гимназиях, медицинскую практику и аптечное дело. В декабре 1839 г. благодаря назначению Главной московской евангелической консистории община получила собственного пастора Д. Зедергольма. Однако отсутствие собственного храма вынуждало

пастора приезжать во Владимир из Москвы специально для проведения богослужений.

Примечательно, что пастор Зедергольм встречался с писателем и революционером А. И. Герценом, находившимся во Владимире в ссылке. Герцен упоминал об этой встрече в письме своему другу и соратнику Н. Х. Хетчеру [11].

Весной 1858 г. началось строительство железнодорожной ветки Москва – Владимир, а через год – прокладка путей на участке Владимир – Нижний Новгород. 14 июня 1861 г. было открыто движение первых поездов из Москвы во Владимир, а в 1862 г. из Владимира в Нижний Новгород [13]. Управление железнодорожными путями осуществляли представители владимирской лютеранской общины, среди которых были инженер-поручик А. В. Зальцман (начальник 1-й дистанции), инженер штабс-капитан А. М. Раутенберг (начальник 4-й дистанции) и инженер-капитан Ф. Ф. Ридель (исполняющий обязанности начальника отделения) [15, с. 84]. Открытие московско-нижегородской ветви стало важным событием для экономики Российской империи, положив начало масштабному железнодорожному строительству по всей стране.

Численность немцев во Владимире постепенно увеличивалась. Согласно данным русского экономиста и публициста А. П. Субботина, в 1860 г. во Владимире проживало около 40 немцев, а к 1877 г. их число достигло не менее 200 человек, что составляло 1,1 % от общей численности населения города [18, с. 30]. Все представители этой группы исповедовали про-

тестантизм. К началу 1904 г. численность владимирской общины немцев-лютеран достигла 770 человек, включая 379 мужчин и 391 женщину. Это свидетельствует о наличии в городе благоприятных условий для роста и укрепления общины.

Кроме того, лютеранский приход включал не только немцев, но также иммигрантов из Финляндии, Швеции и стран Прибалтики. Взаимодействие между представителями различных национальных групп осуществлялось на их родных языках. Все члены общины активно участвовали в жизни города, трудясь в различных сферах, таких как аптеки, музеи, школы и производственные предприятия.

Многие владимирские немцы внесли значительный вклад в историю города. Например, Георгий Васильевич Ланге, командир 9-го гренадёрского Сибирского полка, расквартированного во Владимире с 1899 г., был отличником военной службы. Бернард-Эдуард-Николай-Роберт Карлович фон Ган, начавший свою военную карьеру во Владимире в должности командира 11-й роты 3-го батальона в чине капитана, проявил себя в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг., участвуя в битве под Плевной, где был ранен и награждён Георгиевским крестом. В 1902 г. в честь 25-летия битвы за Плевну он был произведён в чин подполковника. Губернский архитектор Пётр Густавович Беген также оставил значимый след в городской архитектуре, занимаясь проектированием таких объектов, как винный склад, музей Владимирской учёной архивной комиссии и родильный приют [21, с. 39 – 42].

Владимирская лютеранская община обладала своей кирхой. В 1859 г. в губернии был официально зарегистрирован евангелическо-лютеранский приход, а Владимирский церковный совет, первоначально состоявший из пяти человек, был создан для управления церковными делами. Е. Г. Шульман, губернский почтмейстер и коллежский асессор, возглавил совет в должности председателя по церковным делам [6, л. 4]. В том же году община обратилась к губернатору с просьбой разрешить строительство собственной церкви в городе [6, л. 13]. Разрешение было получено два года спустя, в ноябре 1861 г., после чего был приобретён деревянный дом на Большой Дворянской улице, который переоборудовали под лютеранскую кирху.

С ростом общины деревянное здание стало тесным для проведения богослужений, что привело к решению о строительстве более просторного каменного храма. В 1864 г. во Владимире состоялся благотворительный концерт в поддержку новой лютеранской церкви, который собрал значительное количество горожан из различных социальных слоёв. Мероприятие посетили около 150 человек. Организацию концерта возглавил Рихард Иванович Делич, преподаватель музыки. В выступлениях приняли участие как немецкие, так и русские музыканты-любители, среди которых были В. И. Возницына, С. И. Хотковская, С. А. Яновская, С. И. Зарецкая, А. С. Диль, Р.И. Делич, К. К. Диль и М. А. Шуман. В ходе концерта было собрано 85 рублей, которые полностью направили на содержание церкви [1].

Одним из способов сбора средств для поддержания кирхи были лотереи, организуемые церковным советом лютеранской общины. Одна из таких лотерей состоялась в 1871 г. Билеты продавались по цене 50 копеек не только во Владимире, но и в других городах и уездах губернии, а общее количество проданных билетов составило 1273 [1].

К 1884 г. необходимая сумма для строительства нового здания церкви была полностью собрана. Деревянное строение разобрали и на его месте, на улице Дворянской, воздвигли и освятили каменное здание кирхи [8, л. 41].

При церкви была открыта воскресная евангелическая школа, финансируемая средствами общины. В школе функционировали три отделения с различными направлениями обучения. Среди изучаемых предметов были немецкий, французский и русский языки, пение, рисование, арифметика, Священная история, катехизация, письмо и прочие дисциплины [7, л. 17].

Кирха существовала до середины 1950-х гг. После установления советской власти храм был закрыт, а его шпиль с крестом демонтирован. В 1930-е гг. здание переоборудовали под контору кинопроката, которая функционировала до начала Великой Отечественной войны. После войны здание окончательно снесли.

Первые упоминания о католиках на территории Владимирского края относятся к XII – XIII вв. Значительное число лиц римско-католического вероисповедания переселилось на Владимирскую землю в

период Смутного времени, а также после Первого (1772 г.) и Второго (1793 г.) разделов Речи Посполитой. Особый наплыв католиков, преимущественно литовцев и поляков, произошёл в результате губернской реформы Екатерины II в 1775 г., а также с созданием военного гарнизона во Владимире, который комплектовался преимущественно представителями этих национальностей. После Отечественной войны 1812 г. часть католиков ненадолго осталась в губернии. Французские католики, которые оказались военнопленными, содержались в заключении на территории Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.

В 1863 – 1864 гг. в Царстве Польском разразилось восстание, которое было успешно подавлено силами русской императорской армии. В связи с этим во Владимире была учреждена военно-судная комиссия, занимавшаяся рассмотрением дел польских мятежников, распределением их по арестантским ротам в различных областях России. Однако часть польских арестантов осталась во Владимире и в пределах губернии. Кроме того, во Владимир был переведён польско-литовский полк, солдаты которого принадлежали к католической конфессии [19, с. 7].

Католики, проживавшие во Владимире, заметно отличались по социальному статусу. Согласно данным владимирского некрополя, среди них насчитывалось 67 дворян, 56 мещан, 114 крестьян (все они были выходцами из западных губерний Российской империи), а также 38 военных, их супруги и вдовы, 25 арестантов, 10 военнопленных, 13 иностран-

ных граждан и 4 беженца [19, с. 8]. Эти люди представляли широкий спектр профессий и общественных должностей: среди них были фельдшер, провизор, канцелярский служащий, а также почётные граждане города. Некоторые из католиков занимали высокие позиции в обществе, например: Е. П. Хржанович – статский советник, Я. И. Вилькевич – надворный советник и городской судья, Ф. А. Паули – коллежский советник [9, л. 37 – 38].

В Памятных книжках Владимирской губернии за 1864 – 1916 гг. упоминаются по меньшей мере 335 католиков, занимавших престижные должности юристов, преподавателей, инженеров, судей, полицейских и др. [2, с. 5]. Они составляли важную часть владимирского элитного общества.

В 1894 г. владимирская католическая община получила собственную часовню, построенную в Куткином переулке (сегодня ул. Гоголя, 12) и освящённую в честь Пресвятой Девы Марии Святого Розария [16]. Первым капелланом часовни был назначен Иосиф Пзанко. На момент открытия количество её прихожан достигало 1353 человек [14, с. 5].

11 февраля 1904 г. по решению губернатора во Владимире официально был учреждён римско-католический приход, который был утверждён Департаментом духовных иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи 26 февраля того же года [14, с. 88].

Церковь Святого Розария продолжала функционировать даже после Октябрьской революции 1917 года,

вплоть до ареста её последнего настоятеля А. Дземешкевича в 1930 году. В том же году храм был закрыт на несколько лет. В заключение можно отметить, что, несмотря на давление со стороны властей, представители различных христианских конфессий, не принадлежащих к православному направлению, проявляли подлинный патриотизм как в отношении своей родины в целом, так и малой родины. Они активно вкладывали собственные средства в развитие городов и селений.

Католики поддерживали доброжелательные и конструктивные отношения с православным населением и духовенством. Это подтверждается тем, что Владимирская православная епархия не препятствовала созданию католического прихода.

Немцы-лютеране, напротив, переселялись на Владимирскую землю добровольно, постепенно увеличивая численность своей общины и организуя собственный приход. Местные власти и Русская православная церковь не чинили им препятствий, а их

отношения с православным населением носили добрососедский характер. Свидетельством этому служат различные торжества, проводившиеся на территории лютеранской общины, участие в которых было открыто для всех за символическую плату. Кроме того, лютеране активно занимались благотворительностью.

Старообрядцы, или раскольники, находились в более сложном положении по сравнению с другими конфессиями. Сам термин «раскольник» ставил их на более низкий социальный уровень по сравнению с лютеранами и католиками. Если первым двум группам позволялось, хотя и в ограниченной степени, открыто исповедовать свою веру и строить храмы, то старообрядцы таких прав были лишены. Однако значительная часть ковровских купцов принадлежала к старообрядческому движению. Эти люди внесли существенный вклад в развитие местной промышленности и инфраструктуры городов, в которых они проживали.

Библиографические ссылки

1. Владимирские Губернские Ведомости. 1864. 9 мая. № 19.
2. Владимирский историко-статистический сборник / под ред. К. Тихонравова. Владимир : Изд. Владимирского губерн. стат. ком., 1869. С. 5.
3. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 974. Л. 99 об.
4. Там же. Д. 4963. Л. 7.
5. Там же. Д. 4964. Л. 8 – 10 об.
6. ГАВО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
7. Там же. Д. 6. Л. 16
8. Там же. Д. 12. Л. 41.
9. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13264. Л. 30.
10. Там же. Д. 19998. Л. 37 – 38.

11. Герцен А. И. – Кетчеру Н. Х. 15 – 17 марта 1839 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/letters/1832-1846/letter-220.htm> (дата обращения: 20. 10. 2024).
12. Записки владимирских краеведов : сборник. Владимир : Владимирский фонд культуры, 1998. С. 88.
13. История Горьковской железной дороги [Электронный ресурс]. URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/vladimir/1/37-1-0-1126> (дата обращения: 20.10.2024).
14. Овчинников Г. Д. Римско-католический некрополь Владимирской губернии (1872 – 1921 гг.) / ред. А. А. Ковзун ; Владим. обл. б-ка им. М. Горького ; Гос. архив Владим. обл. Владимир, 2011. С. 5.
15. Отчет о деятельности Владимирского православного братства Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского за 1885 – 1886 годы. Владимир, 1887. С. 161.
16. Приход Святого Розария Пресвятой Девы Марии. История прихода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hram-vladimir.ru/> (дата обращения: 20. 10.2024).
17. Список чинам, состоящим на службе по Владимирской губернии. 1854 год. Владимир : Типо-литография губерн. правления, 1854. С. 84.
18. Субботин А. П. Губернский город Владимир в 1877 году. Владимир, 1877. С. 30.
19. Тихонов А. К., Голубкина Т. М. К вопросу о строительстве и судьбе католического костела во Владимире // Древняя столица: история и современность / Владим. пед. ун-т. Владимир, 2006. С. 7.
20. Христианство : энцикл. слов. В 3 т. Т. 2. М., 1995. С. 87.
21. Чистякова И. К. Из истории возникновения и развития немецкой колонии во Владимире // Старая столица : краевед. альм. Вып. 2. Владимир, 2007. С. 39 – 42.

G. D. Goryachev

**NON-ORTHODOX CHRISTIAN COMMUNITIES OF THE VLADIMIR
PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING
OF THE XX CENTURY**

The article is devoted to the history of Christian communities of the non-Orthodox persuasion of the Vladimir province in the second half of the XIX – beginning of the XX century.

The history of the emergence and spread of the Old Believers, Roman Catholic and Evangelical Lutheran confessions in the Vladimir province, the relationship of

representatives of these movements with the secular and spiritual authorities, as well as the fate of each of the communities are covered. The sources are the materials of the State Archives of the Russian Orthodox Church and the periodical press.

Keywords: Christianity, Orthodoxy, Old Believers, schism, Lutheranism, Catholicism.

УДК 94(47).08

Н. И. Горская, Г. В. Кривченков

ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (1861 – 1874 гг.)

В статье анализируются причины упразднения института мировых посредников в пореформенный период. Основное внимание уделено сокращению мировых участков в Смоленской губернии и отношению к посредникам дворянства, земских учреждений и губернской администрации. Авторы приходят к выводу, что разрушение института мировых посредников было вызвано уменьшением объема их деятельности и стремлением земств к сокращению своих расходов.

Ключевые слова: мировой посредник, мировой участок, губернская администрация, земское собрание, крестьянское самоуправление, Смоленская губерния.

В 1861 г. правительством Александра II для проведения крестьянской реформы были созданы специальные органы управления на местах [15, с. 54]. Высшая царская бюрократия осознавала, что между крестьянами и помещиками неизбежны серьезные противоречия, связанные с составлением и введением в действие уставных грамот. Поэтому эти органы кроме административных полномочий должны были обладать и судебными функциями [5, с. 122].

На начальных этапах подготовки судебной и земской реформ эти задачи предполагалось возложить на мировых судей. Однако 31 марта 1860 г. комиссия по преобразованию губерн-

ского и уездного управления, возглавляемая Н. А. Милютиным, приняла решение о создании двух мировых институтов – мировых посредников и мировых судей [4, с. 23]. Сначала по крестьянской реформе 19 февраля 1861 г. появились мировые посредники, и до реализации судебной реформы (в Смоленской губернии в 1869 г.) они занимались всем комплексом судебно-административных дел между помещиками и крестьянами и только с созданием в сельской местности судебно-мировых учреждений у них остались главным образом дела административные.

Историография о мировых посредниках насчитывает большое

количество исследований. Серьезной работой является статья дореволюционного историка А. А. Корнилова о деятельности мировых посредников первого призыва. А. А. Корнилов пришел к выводу, что мировые посредники, несмотря на сложности социального и законодательного характера, успешно исполняли свои обязанности, отстаивая интересы крестьян [12].

Чрезвычайно интересными, не потерявшими своей актуальности и в наши дни, являются монографии крупных советских историков Л. Г. Захаровой и В. Г. Чернухи. Авторы выяснили основные проблемы организации института мировых посредников и их взаимоотношения с центральной властью и учреждениями по крестьянским делам на местном уровне [8; 22].

В современных исследованиях при изучении судебно-административных практик мировых посредников акцент все больше смещается в сторону региональных особенностей. Кроме того, большое внимание обращается на взаимодействие посредников с поместным дворянством и губернскими по крестьянским делам присутствиями [7; 9; 13; 14; 20; 21]. Слабее изучена проблема ликвидации института мировых посредников по закону 1874 г. Эта реформа остается в тени деятельности посредников первых трехлетий, хотя реорганизация органов управления крестьянами (уездные по крестьянским делам присутствия, земские начальники) не привела к созданию более совершенных институций, чем посредники.

По пореформенному законодательству мировым посредником мог быть потомственный дворянин, во владении которого находилось не менее 500 десятин земли. Имущественный ценз для лиц, получивших высшее образование, сокращался до 150 десятин [17, ст. 6]. Если мировой посредник не мог исполнять свои обязанности, они переходили к избранному кандидату в посредники [Там же, ст. 18]. Уездный предводитель дворянства составлял список кандидатов на должность посредника, который для контроля (исключения состоявших под следствием или судом) направлялся уездному дворянскому собранию и губернатору [Там же].

Согласно официальной документации во время формирования корпуса мировых посредников учитывалась важность «нравственного облика» чиновника по крестьянским делам. На самом деле речь шла об их политических взглядах, то есть о приверженности делу преобразований. По мнению министра внутренних дел С. С. Ланского, мировыми посредниками должны становиться люди «беспристрастные с несомненным сочувствием к преобразованиям и хорошим обращением с крестьянами» [6, с. 31].

При таких условиях мировые посредники в равной мере могли защищать интересы крестьянства и поместного дворянства. В отношении каждого из сословий они не будут принимать предвзятых решений [Там же, с. 30].

Затем проверенные списки поступали в Сенат, который утверждал посредников в должности на три года [Там же, ст. 16]. В финансовом отношении посредники зависели от уезд-

ных земств, которые выплачивали ему крупное по уездным меркам жалование в размере 1500 рублей (равное жалованию уездного предводителя дворянства и исправника) [6, ст. 22]. Тем не менее они явились, хотя и независимыми от местной администрации, чиновниками МВД.

Мировой институт состоял из двух инстанций: мирового посредника и съезда мировых посредников. Селения, где проживали бывшие крепостные крестьяне, разделялись на мировые участки, которые возглавляли посредники. При этом состав участков, в которые входили селения бывших крепостных крестьян, зависел от «действительной надобности уездным дворянским собраниям и утверждался начальником губернии» [Там же, ст. 2, 4].

Уездный съезд мировых посредников состоял из «уездного предводителя дворянства, мировых посредников уезда и членов от правительства». Он рассматривал жалобы на решения посредников, касавшиеся поземельных отношений, а также деятельности должностных лиц крестьянского самоуправления [17, ст. 73, 74, 97, 105]. Жалобы на решения мировых съездов посредников разбирались на заседаниях губернского по крестьянским делам присутствия под председательством губернатора.

Организация института мировых посредников в Смоленской губернии началась сразу после обнародования Манифеста об отмене крепостного права. Смоленский губернатор А. П. Самсонов дал поручение уездным предводителям дворянства как можно быстрее направить ему на рассмотрение списки кандидатов в по-

средники. Весной 1861 г. на территории губернии было образовано 52 мировых участка [1, с. 109]. В Ельнинском и Бельском уездах было создано по 6 мировых участков; в Юхновском и Рославльском уездах – по 5 участков; в Краснинском и Дорогобужском – по три участка, в остальных 6 уездах – по 4 участка [1, с. 109].

В составе крестьянских учреждений Смоленской губернии не было таких ярких личностей, как Ю. Ф. Самарин, Л. Н. Толстой или В. А. Черкасский. На территории губернии преимущественно проживало мелкопоместное дворянство, которое в основном владело 40 – 120 душами мужского пола. Среди них был только один представитель крупного землевладения – сын помещика Г. Н. Геннади (Сычевский уезд) [Там же].

Отечественная историография, оценивая деятельность мировых посредников «первого призыва», заостряла внимание на том, что везде «наряду с людьми более или менее равнодушными были и те идейные сторонники крестьянской реформы, которые искренне желали послужить великому делу» [11, с. 172]. В то же время советская историография подчеркивала дворянский состав мировых посредников. Это дало возможность советским историкам утверждать, что посредники в основном отстаивали интересы своего сословия [1, с. 110]. По мнению современных исследователей, мировые посредники в большей степени руководствовались законом. Недовольство крестьян ходом реформы (отрезками и недостатками землеустройства) было следствием не самоуправления посредников, а принятого

правительством законодательства [7, с. 13, 21].

Мировые посредники, следуя нормам законодательства, часто вступали в серьезные конфликты с местным дворянством [15, с. 44 – 45; 7, с. 99]. В 1862 г. от помещиков Смоленского уезда (21 человек) в Правительствующий Сенат была направлена жалоба на действия мирового посредника 3-го участка Н. А. Каверзнева [19, л. 25]. Уездное дворянство негативно оценивало работу посредника, считая его действия «недостаточно энергичными, чтобы приносить ту пользу, которая требуется от посредника» [19, л. 26].

Сенат, изучив прошение смоленских помещиков, постановил, что оно не имеет под собой оснований, поскольку в действиях мирового посредника «можно заметить некоторую медлительность в отчетах владельцам, которая, впрочем, могла заключаться только в отказе на их совершенно противные Положениям притязания» [Там же].

Согласно другому разбирательству Смоленское губернское присутствие направило прошение в Министерство внутренних дел о проверке действий председателя мирового съезда, дорогобужского предводителя дворянства В. К. Арсеньева, который препятствовал работе посредника 2-го участка И. В. Воронца. Мировой посредник вел разбирательство в отношении помещиков В. Б. Пенского и Д. И. Кузьмина, «превышавших» свою власть над крестьянами. В. А. Арсеньев остановил ход дела и обещал дополнить его «личными объяснениями» [Там же, л. 29]. Губернское присут-

ствие просило Министерство внутренних дел оценить действия предводителя дворянства на соответствие закону. Кроме того, губернская администрация негативно оценивала и личные качества В. А. Арсеньева: «претензии дорогобужского предводителя, его желание подчинить своему влиянию мировых посредников и диктаторский тон на съездах вредит делу» [Там же, л. 30].

Такие случаи в Смоленской губернии не были единичными [Там же, л. 1 – 48]. Крестьянская реформа, как и в других губерниях пореформенной России, проходила в ситуации сопротивления не только крестьян, но и помещиков. Недовольство дворян ходом проведения крестьянской реформы усиливало критику в адрес института посредников, ослабляя его положение.

Деятельность мировых посредников уместно разделить на два этапа. В 1860-х гг., на первом этапе, во время проведения крестьянской реформы основными задачами посредников были составление уставных грамот и формирование органов крестьянского самоуправления. С конца 1860-х гг. после введения уставных грамот и организации крестьянских институтов начинался второй этап деятельности посредников. В это время они боролись с ростом крестьянских недоимок, рассматривали кассационные жалобы на решения волостных судов и осуществляли административный надзор над должностными лицами общины и волости [7, с. 90].

На втором этапе по сравнению с первым объем деятельности посредников снизился в связи с завершением ряда работ по крестьянской реформе

(составление уставных грамот, образование обществ и волостей) и введением института мировых судей [1, с. 155; 2, с. 75 – 76; 4, с. 72]. Кроме того, как говорилось выше, посредники лишились судебных функций, что существенно ослабило их авторитет и влияние в глазах крестьян и помещиков. Это дало возможность правительству пойти на сокращение мировых участков. В 30 губерниях Европейской России из 1246 мировых участков было сокращено 354 [7, с. 83]. В 1867 г. в Смоленской губернии, по нашим подсчетам, вместо 52 мировых участков остался 31 участок. В среднем на один уезд приходилось два-три участка [16, с. 161, 164, 169, 176, 181, 186, 190, 195, 200, 205, 211, 217], в то время как в начале 1860-х гг., – четыре-пять участков. В конце 1860-х гг. число мировых участков сократилось еще на две единицы и составило 29 мировых участков [2, с. 74].

Сокращение мировых участков в губернии поддерживали земские учреждения. Земцы, желая снизить собственные расходы, направляли в губернскую администрацию прошения об объединении нескольких мировых участков на территории одного уезда.

Эта проблема постоянно обсуждалась на уездных земских собраниях [3, л. 1]. 28 сентября 1873 г. на заседании Поречского уездного земского собрания гласные рассмотрели вопрос о выдаче кандидату в посредники Виктору Ивановичу Потемкину «суточных денег за время исполнения обязанностей мирового посредника». Во время заседания гласный Е. В. Милитинский заявил, «что вызывать кан-

дидатов для присутствования на съезде нет ни малейшей надобности ввиду того, что мировым посредникам <...> как на съездах, так и вне оных мало дела» [Там же].

После обсуждения этого предложения земское собрание пришло к выводу, что во всем уезде для административного надзора над крестьянами достаточно одного мирового посредника. Оно постановило, что к решению дел, «требующих коллегиального обсуждения, на съезд могут быть приглашены кандидаты в мировые посредники с производством им суточного содержания» [4, л. 1 об.]. Далее земцы направили ходатайство смоленскому губернатору А. Г. Лопатину, чтобы тот дал «дальнейший ход» сокращению в уезде количества мировых участков с двух до одного [3, л. 1 об.]. При этом кандидаты в посредники, которым не выплачивалось жалование, могли по предложению Поречского земства рассчитывать только на суточные за работу в уездном съезде в размере 2 руб. 50 коп [Там же]. Таким путем земство и сохраняло институт, и экономило бюджетные деньги, которых постоянно не хватало на самые неотложные земские нужды.

Прошение уездного земского собрания было рассмотрено губернским по крестьянским делам присутствием. Губернское присутствие его отклонило, руководствуясь указом Сената от 10 июня 1871 г. Согласно закону в губерниях, где открыты мировые суды, местной администрации разрешалось увеличивать размеры мировых участков до 30 000 ревизских душ. Однако в обоих участках Поречского уезда насчитывалось 32 120 душ

мужского пола [3, л. 3]. Поэтому в случае удовлетворения просьбы уездного земского собрания губернское по крестьянским делам присутствие нарушало действующее законодательство, так как «...число душ во вновь образованном участке будет более 30 000» [Там же, л. 6]. В то же время губернатор А. Г. Лопатин сообщил гласным, что о снижении расходов земств на содержание «учреждений по крестьянским делам уже обращено внимание правительства» [Там же, л. 8 об.].

В конце 1860-х – начале 1870-х гг. авторитет института мировых посредников в глазах администрации и местного самоуправления неуклонно падал. Недовольство деятельностью посредников стало «явлением широко распространенным» [22, с. 56]. Губернаторы и земства призывали к ликвидации или преобразованию мировых крестьянских учреждений. Независимое положение посредников не нравилось местной администрации. По имеющимся сведениям, губернаторы многих губерний (25 из 28) считали, что «это почетное по своему прошлому учреждение отжило свое время» [7, с. 120].

Еще одной немаловажной причиной, вызывавшей беспокойство у местной администрации и дворянства, был очевидный недостаток дворян в уездах для одновременного занятия должностей мировых посредников, мировых судей и земских гласных [4, с. 66 – 68]. Еще в 1867 г. смоленский губернатор Н. П. Бороздна в отчете правительству писал, что мировые учреждения по крестьянским делам «утратили надежду на продолжитель-

ное существование и не могут привлекать в свой состав даровитых людей, находящихся на другом служебном поприще» [2, с. 74].

Представители правительства также призывали к ликвидации института мировых посредников. По мнению министра внутренних дел А. Е. Тимашева, мировых посредников следовало упразднить, поскольку они исполнили свои обязанности. Полномочия посредников, связанные с административным контролем над крестьянами, следовало сохранить, чтобы наделить ими реформированные крестьянские учреждения [10, с. 83].

27 июня 1874 г. правительство отменило должность мирового посредника и мировые участки. Обязанности посредников были переданы уездным по крестьянским делам присутствиям [18]. По тексту Положения ликвидация мировых посредников произошла по выше названным причинам. В преамбуле закона отмечалось, что это делается «с целью сокращения расходов земства», но его юридическая сила не распространялась на Бессарабскую, Пермскую и часть Вологодской губерний, в которых отсутствовали мировые суды [Там же, ст. 1, прим.].

Таким образом, деятельность мировых посредников можно разделить на два этапа. На первом этапе посредники, вступая в конфликты с помещичьим дворянством, проводили крестьянскую реформу. На втором этапе посредники преимущественно осуществляли административный надзор над крестьянами. В представлении российской власти институт посредников к концу 1860-х гг.

выполнил свои задачи. Снижение объема деятельности мировых посредников, нехватка дворян в уездах для замещения должностей в новых пореформенных институтах и

стремление земств к сокращению расходов стали основными причинами их ликвидации и заменой уездными по крестьянским делам присутствиями.

Библиографические ссылки

1. Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск : Московский рабочий, 1967. 292 с.

2. Будаев Д. И. Смоленская деревня в конце XIX – начале XX века. Смоленск : Московский рабочий, 1972. 467 с.

3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 120. 1874 г.

4. Горская Н. И. Выборный мировой суд России второй половины XIX века. Смоленск : Универсум, 2008. 200 с.

5. Дорохова Д. А., Фурсов В. Н. Институт мировых посредников как фактор реализации основных положений крестьянской реформы 1861 года в Воронежской губернии // Известия Воронеж. гос. пед. ун-та. 2017. № 1 (274). С. 122 – 126.

6. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861 – 1880. М. : Наука, 1978. 287 с.

7. Жданович Л. Н. Чиновники по крестьянским делам северо-западных губерний России (1861 – 1904 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2005. 263 с.

8. Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России в 1856 – 1861. М. : МГУ, 1984. 256 с.

9. Зинина М. М. Деятельность института мировых посредников по проведению крестьянской реформы 1861 г. (на материалах Саратовской губернии) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов : Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2009. 197 с.

10. Катаев М. М. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874, 1889 гг. Ч. 1. СПб. : Тип. Министерства внутр. дел, 1911. 128 с.

11. Корнилов А. А. Крестьянская реформа. СПб. : Типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершнина, 1905. 271 с.

12. Корнилов А. А. Деятельность мировых посредников // Великая реформа (19 февраля 1861 – 1911): русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 5 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичеты. М. : Изд-во И. Д. Сытина, 1911. Т. 5. С. 237 – 253.

13. Новикова А. В. Становление и деятельность института мировых посредников в Орловской губернии (1861 – 1874) : дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2018. 247 с.

14. Новикова А. В. Деятельность мировых посредников Брянского уезда при составлении уставных грамот // Вестник Брянск. гос. ун-та. 2017. № 4 (34). С. 104 – 110.
15. Новикова А. В. Деятельность мировых посредников в Орловской губернии // История. Общество. Политика. 2018. № 2 (6). С. 43 – 49.
16. Памятная книжка Смоленской губернии на 1867 г. Смоленск : Тип. губерн. правления, 1867. 240 с.
17. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // ПСЗ РИ-П. Т. 36. Отд. I. № 36660. СПб., 1863.
18. Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам // Там же. Т. 49. Отд. I. № 53678. СПб., 1876.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 36. Д. 48. 1862 – 1868 гг.
20. Середа А. С. Институт мировых посредников и организация общественной жизни крестьян во второй половине XIX века // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории. 2018. № 2. С. 70 – 74.
21. Устьянцева Н. Ф. Институт мировых посредников в крестьянской реформе // Великие реформы в России. 1856 – 1874 / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М. : МГУ, 1992. С. 166 – 184.
22. Чернуха В. Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л. : Наука, 1972. 226 с.

N. I. Gorskaya, G. V. Krivchenkov

**INSTITUTE OF PEACE ARBITRATORS IN THE SMOLENSK PROVINCE
(1861 – 1874)**

The article analyzes the reasons for the abolition of the institution of peace arbitrators in the post-reform period. The primary focus is on the reduction of peace arbitrators' units in the Smolensk province and the attitude of zemstvo institutions and the province authorities to arbitrators. The author comes to the conclusion that the abolition of the institution of peace arbitrators was caused by a decrease in the scope of their activities and the desire of zemstvos to reduce their expenses.

Keywords: peace arbitrators, peace arbitrators' unit, province authorities, zemstvo assembly, peasant self-government, Smolensk province.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ РЕГУЛЯТИВОВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД

В статье проанализированы взгляды русских философов конца XIX – начала XX века на взаимосвязь вопросов права и религии в российском обществе, а также на проблему свободы и её границ. Также автор статьи попытался выяснить, каким образом христианская вера отражалась в государственных законах, как официальная церковь относилась к вновь созданным в результате судебной реформы 1864 года правовым институтам. Работа основана на опубликованных источниках и архивных материалах, вводимых автором в научный оборот впервые.

Ключевые слова: религия, право, границы свободы, судебная реформа 1864 года, мировые судьи, митрополит Московский Филарет.

Проблема взаимосвязи права и религии, нравственности и духовных ценностей не теряет своей актуальности на протяжении многих веков. Религия в определенные периоды развития человечества выполняла нормативно-регулятивные функции, распространяя свое влияние на различные сферы жизни общества. Одна из задач религиозных норм совпадает с задачей правовых – урегулирование отношений в обществе, достижение общественного спокойствия и правопорядка. Регулятивная функция религиозной нормы заключается в необходимости соблюдения установленных правил через призму божественного начала, по сути своей они призваны через духовное, внутреннее самосознание человека упорядочить его внешнее поведение. Религиозные регулятивы по мере социальной и политической трансформации общества, развития правовой системы регулиро-

вания общественных отношений постепенно переходят в сферу внутренне-психологической регуляции поведения личности.

Нормы права в основе своей имеют очень тесную связь с нравственностью и религией, преступления против личности в уголовном праве, брачно-семейные отношения в гражданском тождественны религиозным нормам. Сочетание государственного и церковного регулирования социального поведения людей весьма эффективно для установления благополучных общественных отношений. Глубокую взаимосвязь религии и права отмечают и современные исследователи [1, с. 269].

Интересующий нас период – вторая половина XIX – начало XX века стал наиболее плодотворным в развитии отечественной общественной мысли и изучении права, появились труды о естественном праве, взаимо-

связи религиозных и правовых регулятивов. В российской науке последователем теории этического минимума, трактовавшем её с религиозно-нравственной стороны, является великий философ и публицист Владимир Сергеевич Соловьёв. В его учении центральная идея – определение права как «минимума добра».

Сопоставляя христианские добродетели и справедливость, В. С. Соловьёв приходит к выводу о взаимосвязи права и нравственности: «право есть принудительное требование реализации определенного минимума добра» [7, с. 26]. Вопросы веры и добра всегда были взаимосвязаны, равно как и понятия религии и нравственности. Без сомнения, сфера религиозного шире сферы нравственного, любая религия включает в себя общепринятые нормы нравственности и морали. Тот «минимум добра», о котором говорит В. С. Соловьёв, есть основа любого религиозного учения.

Необходимо также отметить, что речь здесь идет именно о минимуме, «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад» [Там же, с. 35]. В. С. Соловьёв в развитие философии права высказывает мысль о необходимости достижения равновесия между личной свободой индивида и общественным благом. Именно право призвано устранять и разрешать все противоречия, возникающие между этими двумя ценностями, только право способно определить личные границы, минимально необходимые для благополучного функционирования общества. В этом и заключается сущность

права. Ни право, ни общество не мешают внутреннему самоопределению человека, не ограничивают его выбор между добром и злом, не препятствуют вероисповеданию. Однако же право препятствует «злому человеку стать злодеем, опасным для самого существования общества» [6, с. 529].

Еще один известный русский философ конца XIX века Б. Н. Чичерин также высказывался относительно проблемы соотношения правовых и религиозных регулятивов. В духовной природе человека Б. Н. Чичерин видел прочную взаимосвязь права и нравственности. Отличительной особенностью права в данном случае Б. Н. Чичерин называет наличие механизма принуждения и обязательности исполнения, в то время как религиозные законы соблюдаются исключительно исходя из внутренней убежденности, готовности самого человека им следовать. Вместе с тем право, ограничивая внешнюю свободу человека, не должно касаться его внутренней свободы. В данной ситуации, несмотря на тесную взаимосвязь нравственных начал и правовых норм, не следует забывать о независимости церкви от государства. «Подчиняясь государству, церковь становится орудием практических целей, а это умаляет ее достоинства и низводит религию в низменную сферу» [11, с. 301].

Известный отечественный философ XIX века Н. М. Коркунов отождествлял нормы права с этическими нормами, рассматривая данный аспект с точки зрения социальной психологии. Отличительные особенности между рассматриваемыми нормами Н. М. Коркунов видел в основном в

трактовке интересов человека – право призвано защищать интерес отдельно взятого индивидуума при взаимодействии с интересами других, а нравственность оценивает интересы человека с позиции добра и зла [3, с. 38].

Во взглядах большинства русских философов прослеживается религиозность. Знаменитый ученый, правовед П. И. Новгородцев отмечал религиозную христианскую основу русского понимания права [5, с. 229 – 246]. В знаменитом сборнике «Вехи» Б. А. Кистяковский (1868 – 1920) писал о национальном правосознании, основанном на религиозном менталитете, в силу которого русский человек не принимает саму западную идею права, противопоставляя ему некий нравственный идеал, истинную «правду». Также Б. А. Кистяковский подвергал критике русскую интеллигенцию – и подданных имперской России в целом – за их неспособность оценить важность закона для создания справедливого общества и демократического государственного устройства [12, с. 21].

Необходимо отметить еще одну проблему, обсуждавшуюся русскими философами конца XIX – начала XX века, – проблему свободы. Б. Н. Чичерин, будучи не только философом, но и знаменитым правоведом, одним из основоположников русской юридической школы, в своих рассуждениях о свободе договора отмечал, что, как и любая другая свобода, свобода договора не безгранична. Среди прочих проявлений границ применительно к свободе договора Б. Н. Чичерин выделял ограничение свободы договоров нравственными началами.

Называя свободу абсолютным благом, Б. Н. Чичерин подчеркивал необходимость её ограничения в обществе, которое может быть установлено только законом, основанном на нормах нравственности и морали. Поддерживая идеи теории естественного права, основу которого составляют принципы нравственности, выражал мысль о свободе, заложенной в самой природе человека. Государство не предоставляет человеку свободу и другие основные права, а лишь закрепляет их существование в установленном порядке.

Об определенных границах свободы говорили другие видные ученые. И. А. Ильин отмечал гарантию свободы внутри установленных границ, а это есть порядок, основанный на свободе. Свобода человека существует только до той границы, за которой начинается свобода другого. Функция права по ограничению свободы и защите этой свободы внутри границ направлена на создание общественного порядка, основанного на принципах свободы [2, с. 96]. П. И. Новгородцев также считал, что содействие государства в установлении личных свобод достигается путем правовых ограничений, которые «часто уничтожают более стеснений, чем сами вызывают их» [4, с. 331].

Итак, в философско-правовой мысли Российской империи при общем суждении о свободе как об абсолютном благе прослеживается вполне определенное негативное отношение к неограниченной свободе. В данной ситуации установление определенных рамок и ограничений признается необходимой мерой со

стороны правового государства. Именно механизмы правового характера способны ограничить свободу таким образом, чтобы избежать причинения вреда интересам других людей и при этом сохранить ощущение внутренней свободы личности. Для достижения такого результата правовое ограничение свободы «должно исходить из нравственных начал, опираться на моральные принципы» [9, с. 100].

Близость религиозных постулатов и основ правопорядка подтверждается отношением к вновь созданному в результате судебной реформы 1864 года институту мировых судей Святейшего Синода. Узнав об открытии новых судебных установлений, Филарет митрополит Московский направил письмо съезду мировых судей Можайского уезда № 265 от 24 июня 1866 года: «Получив сведение (от 29 мая № 24) о избранных и утвержденных мировых судьях, и об открытии действия их, приветствую и собрание их, и каждого, призывая им помощь Божию в служении правде и миру в народе» [10, л. 15].

Также необходимо упомянуть о форме присяги на должность мирового судьи (к ст. 225), установленной Приложением II к учреждению судебных установлений: «Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым его Евангелием и Животворящим Крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять свято законы Империи, творить суд по чистой совести, без всякого в чью-либо пользу лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом

и пред Богом на страшном суде его. В удостоверение сего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь» [8, с. 541]. Данный текст официального документа, предполагая ответственность приносящего присягу судьи как перед законом, так и перед Богом, как нельзя лучше иллюстрирует отношение государства к религии и церкви.

Таким образом, можно сделать вывод о тесной взаимосвязи религиозных и правовых регулятивов в выполнении единой задачи по установлению порядка в общественных отношениях Российского государства. Правовые нормы в основе своей имеют религиозные регулятивы, этический минимум, или «минимум добра», неразрывно связанный с основными религиозными канонами. Во второй половине XIX века правовые нормы осуществляют внешнюю регулирующую функцию, а религиозные – внутренне-психологическую регуляцию поведения личности. Вместе с тем представляется возможным отметить поддержку официальной церковью вновь создаваемых государством правовых институтов.

Расхождение юридического законодательства и религиозных постулатов во многом связано с процессами секуляризации веры, что в свою очередь является следствием увеличения значения материальных ценностей, их преобладания над духовными. В данной ситуации не следует забывать о недопустимости использования церкви для достижения целей, стоящих перед государством, во избежание снижения значения духовных аспектов и божественного начала, лежащего в основе религии.

Библиографические ссылки

1. Закиев Д. Р. Проблемы взаимодействия права и религии // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 269 – 271. URL: [https://moluch.ru /archive/413/91022/](https://moluch.ru/archive/413/91022/) (дата обращения: 17.11. 2024).
2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 3. С. 93 – 99.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 6-е изд. СПб., 1904. 354 с.
4. Новгородцев П. И. Введение в философию права. II. Кризис современного правосознания. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1909. 393 с.
5. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права. Русская философия права. Антология. СПб., 1999. С. 229 – 246.
6. Соловьёв В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов ; Ин-т русской цивилизации. М. : Алгоритм, 2012. 656 с.
7. Соловьёв В. С. Право и нравственность : Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб. : Я. Канторович, 1899.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 1. Учреждение судебных установлений. СПб., 1867. 763 с.
9. Философия права : учеб. пособие / отв. ред.: Н. Н. Черногор, О. Ю. Рыбаков ; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М. : Статут, 2018. 224 с.
10. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Фонд 583, оп. 1. д. 101.
11. Чичерин Б. Н. Философия права. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. 337 с.

V. V. Gurina

**INTERCONNECTIONS OF LEGAL AND RELIGIOUS REGULATIONS
OF SOCIAL RELATIONS IN RUSSIAN SOCIETY
IN THE LATE IMPERIAL PERIOD**

The article analyzes various views of Russian philosophers of the late 19th and early 20th centuries on the relationship between law and religion in Russian society, as well as on the issue of freedom and its limits. The author also attempts to find out how Christian faith was reflected in state laws, and how the official church viewed the legal institutions established as a result of the judicial reform of 1864. The research is based on archival materials introduced into scientific discourse for the first time by the author.

Keywords: religion, law, limits of freedom, judicial reform of 1864, magistrates, Metropolitan Filaret of Moscow.

**ВОПРОС О ХАРАКТЕРЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
В АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЯХ В РАБОТАХ
А. М. ПЕШКОВСКОГО**

В статье показана эволюция взглядов выдающегося отечественного лингвиста Александра Матвеевича Пешковского на природу синтаксической связи в аппозитивных сочетаниях. Автор публикации выделяет три последовательных этапа. В начальный период (1914 – 1920 гг.) А. М. Пешковский, придерживаясь традиционного подхода, выделяет различные типы синтаксических связей в конструкциях с приложением. На втором этапе (1920 – 1927 гг.) языковед развивает идею о взаимном согласовании компонентов аппозитивных сочетаний. Заключительный период (1928 – 1933 гг.) характеризуется выдвижением гипотезы о сочинительном характере связи в подобных конструкциях, которая, несмотря на свою оригинальность, вызвала серьёзные возражения со стороны лингвистического сообщества. Статья представляет собой комплексный анализ трансформации научных взглядов учёного, детально рассмотрены как сильные стороны его теории, так и её дискуссионные аспекты.

Ключевые слова: аппозитивные сочетания, приложение, синтаксическая связь, А. М. Пешковский, согласование, параллелизм.

В лингвистике сочетания приложений с определяемыми словами (например, *писатель-фантаст, город Владимир, на самолёте «Слава»*) принято называть аппозитивными. Однако вопрос о характере грамматической связи между их компонентами остаётся дискуссионным. Традиционно её трактуют как согласование, предполагая, что приложение согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже [2, с. 270; 4, с. 231; 5, с. 253; 16, с. 381, 383; 25, с. 287 – 288].

В истории русской синтаксической науки XX века существовали и альтернативные подходы. Одни ис-

следователи рассматривали эту связь как особый вид подчинения – параллелизм [11, с. 232; 17, с. 206 – 225]. Другие отрицали подчинительный характер и называли её аппозицией [7, с. 131]. Третьи полагали, что связь в аппозитивных сочетаниях нельзя однозначно отнести ни к подчинению, ни к сочинению [8, с. 18]. Четвёртые отмечали её переходный характер [22, с. 9; 24, с. 13]. Особый вклад в разработку этой проблемы внёс выдающийся лингвист А. М. Пешковский (1878 – 1933), чьи идеи сохраняют актуальность для современного языкознания.

В данной статье прослеживается эволюция взглядов А. М. Пешковского на тип грамматической связи в аппозитивных сочетаниях. Сам учёный не использовал термин «аппозитивное сочетание», предпочитая называть их словосочетаниями. В его работах можно выделить три этапа развития концепции.

Первый этап (1914 – 1920): между традицией и новаторством

Изначально А. М. Пешковский придерживался традиционной точки зрения, восходящей к «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [9, с. 555], и указывал на согласование приложения с определяемым словом в падеже [14, с. 171]. Однако в дальнейшем он усомнился в этом подходе, отмечая, что подчинение приложения значительно слабее, чем у прилагательного-определения [Там же]. Сравнивая конструкции типа лапами-листами и лапчатыми листьями, он пришёл к выводу, что прилагательное согласуется в трёх категориях (падеж, число, род), тогда как существительное – только в падеже. Это подтверждается примерами, где приложение не согласуется с определяемым словом в роде и числе: река Урал, город Москва, женихи-мелкота. В случаях же совпадения форм (красавица зорька, царю Петру) А. М. Пешковский видел не синтаксическое согласование, а случайное совпадение, обусловленное лексикой [Там же].

Касаясь падежа, он подчёркивал, что у существительных эта категория служит прежде всего для управления, а не согласования, поэтому её «согласовательная сила» ослаблена [Там же, с. 172]. В предложении «Хо-

рош и клён со своими лапами-листами» словоформа *лапами*, по его мнению, согласуется *с листьями* в падеже, но одновременно управляется предлогом *со* [Там же].

А. М. Пешковский также рассматривал аппозитивные сочетания как два параллельных члена предложения: в косвенных падежах – как дополнения (лапами-листами, гетмана-злодея), в именительном падеже – как подлежащие (красавица зорька, князь Игорь) [Там же, с. 172 – 173]. При этом он считал, что отнесённость к одному предмету – логический, а не грамматический признак [Там же, с. 173].

Критический анализ этих идей показывает их противоречивость. Во-первых, тезис о «параллельных дополнениях» не учитывает опосредованный характер связи приложения с другими членами предложения [10, с. 242; 21, с. 98; 23, с. 100]. Во-вторых, управление предлогами грамматически невозможно, так как они не являются самостоятельными членами предложения. В-третьих, именительный падеж, будучи независимой категорией, исключает согласование, а однородные члены не согласуются друг с другом.

Позднее, в статье «Интонация и грамматика» (1928), А. М. Пешковский отказался от идеи согласования в падеже, указав, что у существительных падеж – это форма управления, а не согласования [12, с. 292]. Вместо этого он предложил термин «ритмическое согласование», подчёркивая роль интонации в объединении компонентов [Там же, с. 293].

**Второй этап (1920 – 1927):
идея взаимного согласования**

В работе «Наш язык» А. М. Пешковский пересмотрел традиционный взгляд, предложив концепцию «взаимного согласования»: не одно слово согласуется с другим, а оба согласуются друг с другом [13, с. 245]. Позже, в статье 1926 года, он признал, что зависимость компонентов определяется лексически, и предложил отказаться от термина «приложение» в пользу «взаимного согласования существительных» [12, с. 237].

Следует отметить, что эта идея не была новой. Ещё М. Смотрицкий писал о взаимном «припряжении» существительных в одном падеже [18, с. 326 – 327]. А. М. Пешковский не уточнил, в каких грамматических категориях происходит такое согласование, но его идея повлияла на последующие исследования [6, с. 215; 26, с. 521].

**Третий этап (1928 – 1933):
обратимость и сочинительная связь**

На последнем этапе А. М. Пешковский пришёл к выводу, что в сочетаниях типа *гражданин Иванов, красавица зорька, брат-учитель* наблюдается обратимость отношений ($A:B = B:A$), что отличает их от подчинительных конструкций (*брат учителя*), где отношения необратимы ($A:B \neq B:A$) [15, с. 54]. Критериями обратимости стали: 1) сохранение смысла при перестановке компонентов; 2) отсутствие морфологических показателей зависимости. Именно на этом основании он заключил, что ап-

позитивные сочетания основаны на сочинении [Там же, с. 57 – 59]. В конструкциях типа паромход «Прогресс» он видел подчинение, называя приложение примыкающим членом [Там же, с. 330].

Однако вывод о сочинительной связи в сочетаниях с приложением вызвал справедливые возражения. Аппозитивные сочетания обозначают один предмет, а сочинение предполагает однородность. Критерий обратимости не универсален. Например, примыкающие сочетания (хорошо читает → читает хорошо) также обратимы [20, с. 139]. Наличие одинаковых показателей в обоих компонентах встречается и в подчинительных конструкциях (красна изба). Обособленные приложения, по А. М. Пешковскому, демонстрируют подчинение, что противоречит идее сочинения [15, с. 330].

В заключение хотелось бы отметить, что вопрос о грамматической связи в аппозитивных сочетаниях остаётся открытым со времён М. Смотрицкого. В русской синтаксической науке предлагались как традиционные (согласование), так и нетрадиционные (параллелизм, аппозиция, взаимное согласование) решения. В трудах А. М. Пешковского прослеживается эволюция взглядов: от модернизированного согласования (1914 – 1920) через взаимное согласование (1920 – 1927) к сочинению (1928 – 1933). Его выводы, несмотря на спорность, стимулировали дальнейшие исследования.

Библиографические ссылки

1. Бертагаев Т. А. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке // Учёные записки МОПИ. Т. XXXII. Вып. 2. 1955. С. 37 – 52.
2. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959.
3. Ванслова М. Л. О связи слов в предложении // РЯШ. 1952. № 1. С. 25 – 30.
4. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращённой грамматики, полнее изложенная. 4-е изд. СПб. : тип. Имп. Рос. акад., 1839. 419 с.
5. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, изданная Н. Гречем. СПб., 1827.
6. Русский язык : учебник. В 2 ч. Ч. 2: Состав слова и словообразование. Морфология. Синтаксис. Пунктуация / Н. В. Костромина [и др.] ; под ред. Л. Ю. Максимова. М. : Просвещение, 1989.
7. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М. : Высш. шк., 1986.
8. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
9. Ломоносов М. В. Российская грамматика // М. В. Ломоносов. Полное собр. соч. В 11 т. Т. 7. М. – Л., 1952.
10. Мухин А. М. Аппозитивная связь в структуре предложений (на материале русского языка) // Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 240 – 246.
11. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912.
12. Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : избр. тр. / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. М. : Высш. шк., 2007.
13. Пешковский А. М. Наш язык. Книга для учителя. Ч. II. 3-е изд. М. – Л., 1926.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очерк : Пособие для самообразования и школы. 1-е изд. М. : тип. В. М. Саблина, 1914. 440 с.
15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М. : Языки славян. культуры, 2001.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку : слов. лингвист. терминов. М. : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2003.
17. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
18. Смотрицкий М. Грамматики словенския правильное синтаagma. М., 1648.
19. Солонино М. Рецензия на книгу А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» // Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика : избр. тр. / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. М. : Высш. шк., 2007. С. 674 – 680.

20. Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 127 – 182.
21. Фурашов В. И. О синтаксическом статусе обособленной спрягаемой формы глагола // Актуальные проблемы современной русистики : материалы всерос. науч.-практ. конф. памяти В. И. Чернова : в 2 ч. Киров, 2000. Ч. 2. С. 97 – 98.
22. Цыганенко Г. П. Приложение в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1954.
23. Чеснокова Л. Д. Классификация слов на основании их пассивной сочетаемости // Сочетаемость языковых единиц. Ростов н/Д., 1968. С. 82 – 110.
24. Шатух М. Г. Приложение и его роль в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1954.
25. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М. : УРСС, 2001.
26. Ширяев Е. Н. Согласование // Русский язык : энциклопедия. М. : Большая российская энциклопедия, 2003. С. 520 – 521.

N. V. Kornilov

**QUESTION OF THE NATURE OF GRAMMATICAL CONNECTION
IN APPOSITIVE COMBINATIONS IN THE WORKS
OF A. M. PESHKOVSKY**

The article shows the evolution of the views of the outstanding Russian linguist Alexander Matveyevich Peshkovsky on the nature of syntactic relations in appositive combinations. The author of the publication identifies three consecutive stages. In the initial period (1914 – 1920), A. M. Peshkovsky, adhering to the traditional approach, identifies various types of syntactic relations in constructions with appositives. In the second stage (1920 – 1927), the linguist develops the idea of mutual coordination of the components of appositive combinations. The final period (1928 – 1933) is characterized by his proposing a hypothesis about the coordinating nature of the connection in such constructions, which, despite its originality, caused serious objections from the linguistic community. The article is a comprehensive analysis of the transformation of the scholar's scientific views, examining in detail both the strengths of his theory and its controversial aspects.

Keywords: appositive combinations, appositive, syntactic relationship, A. M. Peshkovsky, agreement, parallelism.

МЕТАФОРА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАТЕКСТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена анализу метафоры как одного из ведущих когнитивных и коммуникативных инструментов в медиатексте. Рассматриваются функции метафоры в конструировании медиареальности, особенности её употребления в новостной и аналитической журналистике, а также тенденции в использовании метафорических моделей в цифровой среде. Автор опирается на теорию концептуальной метафоры и приводит примеры из актуальных российских медиаисточников.

Ключевые слова: метафора, концептуализация, медиатекст, когнитивная лингвистика, журналистика, дискурс, концептуальная метафора, образ, риторика, интерпретация.

Современная медиаречь представляет собой динамично развивающийся феномен, в котором активно используются различные речевые стратегии и когнитивные механизмы. Одно из таких универсальных механизмов – метафора, средство не только выразительности, но и мышления. Исследования в области когнитивной лингвистики показали, что метафора лежит в основе человеческого восприятия и интерпретации действительности [2, с. 17]. В медиапрактике метафора становится инструментом формирования мнений, оценок, а нередко и способом манипуляции.

Цель настоящего исследования – анализ функций и типологизации метафор в современном русском медиатексте с акцентом на их когнитивно-коммуникативную природу.

Метафора в лингвистике трактуется не только как троп, но и как способ концептуализации действительности. Теория концептуальной

метафоры, разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [6], легла в основу многочисленных исследований в области когнитивной лингвистики. Согласно этой теории человек мыслит метафорически, проецируя понятия из одной сферы (источника) в другую (цель).

Медиадискурс как разновидность публичного институционального дискурса опирается на систему концептов, репрезентированных с помощью метафорических моделей: «государство – корабль», «кризис – болезнь», «информация – оружие» и т. д. Эти модели обладают высокой эвристичностью и способствуют формированию общественного сознания.

В медиаречи функционируют различные типы метафор, каждая из которых опирается на определённые концептуальные сферы. Политические метафоры широко используют образы, заимствованные из военной лексики, спорта, театра и медицины. В них не-

редко фигурируют такие выражения, как «информационная атака», «битва за электорат», «вакцина от фейков» [4, с. 89], отражающие борьбу, конфронтацию и противодействие в политическом пространстве.

Экономические метафоры, в свою очередь, часто апеллируют к образам природы, машин и живых организмов. Такие выражения, как «экономика пошла в рост», «рынок лихорадит», «бюджетный механизм дал сбой», придают абстрактным финансовым и макроэкономическим процессам зримость и динамичность, облегчая их восприятие.

Социальные метафоры базируются преимущественно на телесных, пространственных и бытовых образах. Они позволяют журналистам визуализировать сложные социальные процессы, например, через такие метафоры, как «социальный взрыв», «токсичная повестка», «общественное давление». Эмоционально насыщенные и экспрессивные, эти образы способствуют более глубокому вовлечению аудитории.

Таким образом, употребление метафоры в медиатексте это не только эстетическая, но и прагматическая функция. Она позволяет журналистам упрощать сложные явления, эмоционально окрашивать сообщение и направлять интерпретацию читателя в нужное русло.

Метафора в медиадискурсе выполняет целый ряд когнитивных функций, которые обеспечивают её универсальность и эффективность как инструмента интерпретации. Одна из центральных функций – интерпретационная: она позволяет структуриро-

вать и осмысливать новые, абстрактные или сложные явления посредством обращения к более понятным и конкретным сферам.

Моделирующая функция проявляется в способности метафоры формировать устойчивые ментальные схемы, или фреймы, которые обеспечивают привычные паттерны восприятия и интерпретации информации. Такие фреймы становятся основой для последующей репрезентации событий и явлений в сознании получателя.

Оценочная функция метафоры заключается в передаче авторского отношения к описываемому явлению, создании позитивной или негативной коннотации. Метафора позволяет избежать прямой оценки, при этом формируя определённую эмоциональную реакцию у аудитории.

Манипулятивная функция реализуется через скрытое воздействие на сознание читателя. Посредством выбора определённой метафорической модели медиадискурс направляет интерпретацию информации в нужное русло, нередко усиливая драматизм или противопоставление.

Особую роль в медиапрактике играет так называемая живая метафора – образ, обладающий неожиданностью, новизной и сильным эмоциональным потенциалом. Такие метафоры часто становятся вирусными в медиaprостранстве, превращаясь в мемы, слоганы и устойчивые клише, что делает их особенно значимыми в контексте цифровой коммуникации.

Для анализа были использованы материалы из изданий «Коммерсантъ», «Новая газета» (признана иностранным агентом на территории РФ),

«РБК», «Медуза» (признана иностранным агентом на территории РФ), размещённые в открытом доступе, за

2023 – 2024 гг. Отобрано 150 текстов, в которых выявлены и классифицированы метафоры.

Частотность тематических метафор

Тематика	Примеры метафор	Частота, %
Политика	«битва», «кампания», «фронт»	42
Экономика	«рост», «шок», «сбой»	27
Социальные темы	«взрыв», «поток», «напряжение»	21
Иные (экология и др.)	«климатическая война»	10

Анализ 150 медиатекстов из российских источников – «Коммерсантъ», «Новая газета» (признана иностранным агентом на территории РФ), «РБК» и «Медуза» (признана иностранным агентом на территории РФ) – за 2023 – 2024 гг. позволил выявить доминирующие направления в использовании метафор, что наглядно представлено в таблице частотности тематических метафор.

Полученные данные демонстрируют, что наибольшая доля метафорических выражений сосредоточена в политическом дискурсе (42 %). Это объясняется высокой степенью идеологической нагрузки политических сообщений, необходимостью мобилизации аудитории, а также стремлением авторов к драматизации происходящего. Политические метафоры, как правило, опираются на концепты борьбы, конфликта и стратегии («битва», «фронт», «кампания»), что способствует формированию образа напряжённой и дуалистической реальности, где участники противопоставлены друг другу.

На втором месте по частотности находятся экономические метафоры (27 %). Это свидетельствует о про-

должающейся тенденции метафоризации экономических процессов с целью упрощения их восприятия массовой аудиторией. Частое употребление образов из биологии и техники («рост», «шок», «сбой») отражает стремление авторов сделать абстрактные макроэкономические колебания более понятными, интуитивно наглядными. Такие метафоры играют когнитивную роль, позволяя читателю интерпретировать сложные финансовые явления через знакомые сенсорные и телесные образы.

Социальные темы представлены в 21 % от общего числа метафор. Здесь преобладают выражения, связанные с телесностью, давлением, разрушением («взрыв», «поток», «напряжение»). Это свидетельствует о высокой эмоциональной насыщенности социальной проблематики в медиадискурсе и стремлении журналистов вызвать сочувствие, тревогу или протест. Такая метафорика способствует усилению эффекта присутствия, драматизирует события, придавая им характер стихийного бедствия.

Метафоры, связанные с экологией и иными направлениями, занимают наименее значимую долю

(10 %), что указывает либо на их меньшую представленность в текущей информационной повестке, либо на то, что экологическая тематика чаще описывается через прямые, фактические формулировки. Тем не менее даже в этих сферах наблюдается стремление к образной подаче материала, примером служит выражение «климатическая война», объединяющее темы глобального конфликта и экологического кризиса.

Выявленная структура тематических метафор отражает доминирующие дискурсивные практики в медиаполе. Преобладание конфликтно-ориентированных образов (война, сбой, взрыв) указывает на общее напряжённое восприятие социума и формирует соответствующее когни-

тивное пространство, в котором читатель воспринимает реальность как арену борьбы, нестабильности и риска. Это требует дальнейшего изучения с точки зрения влияния медиаобразов на массовое сознание и общественное поведение.

Таким образом, метафора в современном медиатексте выступает не просто средством выразительности, но когнитивным и идеологическим инструментом, влияющим на формирование общественного сознания. Выбор метафоры не случаен: он отражает доминирующие концепты эпохи, актуальные страхи, ожидания и идеалы. Продолжение исследования возможно в направлении изучения визуальных метафор и взаимодействия текста и изображения в цифровых медиа.

Библиографические ссылки

1. Артемьева Т. В. Концептуальные метафоры в политическом дискурсе. М. : Языки славян. культуры, 2019. 212 с.
2. Баранов А. Н. Метафора и её когнитивные основания // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 15 – 28.
3. Демьянков В. З. Дискурс как объект лингвистического описания. М. : Логос, 2005. 280 с.
4. Иванова М. А. Риторические стратегии современной журналистики // МедиаЛингвистика. 2022. № 4. С. 85 – 92.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 390 с.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
7. Медиалингвистика : учебник / под ред. А. А. Гаврилова. СПб. : СПбГУ, 2020. 416 с.
8. Чернявская В. Е. Медиадискурс: параметры и особенности. М. : Флинта, 2017. 312 с.

METAPHOR AS A TOOL OF CONCEPTUALIZATION IN MODERN MEDIA DISCOURSE

The article examines metaphor as a key cognitive and communicative tool in contemporary Russian media discourse. It discusses the functions of metaphor in constructing media reality and analyzes conceptual metaphor models used in journalism. The study is based on Russian media texts and applies the theory of conceptual metaphor.

Keywords: metaphor, conceptualization, media discourse, cognitive linguistics, journalism, rhetorical strategy, mental models, interpretive framework, media analysis.

УДК 811.161.1

М. В. Пименова, Е. А. Кузнецова

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОДНОКОРНЕВЫХ СИНКРЕТЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ УЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ)

В статье на материале относящихся к учительной литературе Древней Руси произведений выдающихся риторов Средневековья рассматривается один из видов устойчивых единиц древнего текста – *однокорневые синкретемы*. Выделены структурно-семантические модели, по которым построены данные единицы, приведены контексты их употребления, толкуются особенности семантики.

Ключевые слова: учительная литература, древнерусские устойчивые единицы, однокорневые синкретемы, структурно-семантические модели.

Учительная литература как раздел древнерусской письменности представлена получившими широкое распространение после принятия христианства дидактическими жанрами (ораторской прозой, поучениями, экзегезой и т. д.), имевшими название «Слово».

По мнению А. М. Молдована, текст «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, созданный между 1037 и 1050 годами, стал основой для развития собственно древне-

русской литературы. В данном памятнике минувшее Руси рассматривается как предвестник ее славного будущего [5, с. 480].

В. В. Колесов отмечает, что первое «Слово» Серапиона Владимирского датируется 1230 годом, остальные произведения были созданы в период с 1273 по 1275 год. В данных «Словах» получил развитие авторский стиль. Проповедник опирался не только на церковную, но и на народную литературу, устную речь, легенды, его

произведения не раз переписывались [3, с. 606].

Оба проповедника восхваляют русских князей, ратуют за соблюдение христианских ценностей, дают наставления последующим поколениям: призывают к раскаянию, отказу от несправедливых поступков.

Следует отметить, что в анализируемых текстах употребляется значительное количество устойчивых единиц, которые рассматривались исследователями под самыми разнообразными терминологическими определениями: *фразеологизмы, формулы-синтагмы, коллокации, неизменные выражения, застывшие сочетания, словесные формулы, устойчивые словесные комплексы, фигуры* и др. (подробнее см.: [7, с. 53 – 55]). На наш взгляд, использующиеся термины не совсем корректны, поскольку или не отграничивают древние единицы от современных фразеологизмов, значение которых зиждется на метафоре, а не на метонимическом переносе [4, с. 145], или же, являясь единичными, не указывают на их место в языковой системе. Мы предлагаем для обозначения древних устойчивых единиц термин *синкретемы*, имеющий один корень с подчеркивающими особенности мышления средневекового человека номинациями (нерасчлененность значения) (ср.: *синкретизм, синкрета, синкретсемия*). Суффикс (финаль) термина указывает на единицу эмического уровня (ср.: *фонема, лексема, морфема* и др.) [7, с. 55].

Одним из видов изучаемых устойчивых единиц являются *однокорневые синкретемы*, состоящие из двух лексем с общим корнем (напри-

мер, *свет светлый, жить жизнью, радоваться радостью* и др.). Данные единицы в отечественной лингвистике рассматривались под названиями *тавтология, этимологические фигуры, конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ, тавтологические фразеологизмы* и др. [9, с. 39]. Предложенный термин (*однокорневые синкретемы*), по нашему мнению, предпочтительнее, поскольку он указывает на место в языковой системе данных сочетаний как подвида устойчивых нерасчлененных древних единиц, имеющих компоненты с одним корнем [Там же].

Однокорневые синкретемы встречаются в фольклорных текстах, богослужебных песнопениях и устной речи, древнерусской и современной литературе. Стержневыми компонентами однокорневых синкретем, как правило, являются имена существительные и родственные им этимологически прилагательные, причастные или глагольные формы. Однако встречаются и случаи употребления в качестве стержневого компонента данных устойчивых единиц глагольной и наречной форм. А. П. Евгеньева выделяет следующие структурные модели сочетаний однокорневых единиц в фольклорных текстах: 1) «подлежащее + сказуемое»; 2) «сказуемое + дополнение в Р. п.»; 3) «сказуемое + дополнение в В. п.»; 4) «В. п. внутреннего объекта + переходный гл.»; 5) «В. п. внутреннего объекта + непереходный гл.»; 6) «Творительный тавтологический “орудия”»; 7) «Творительный тавтологический “способа”» [1, с. 110 – 112].

Следует отметить, что в проанализированных текстах учительной литературы нами зафиксированы в основном те же структурно-семантические модели, но в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона они отличаются бóльшим разнообразием.

1. «Подлежащее + сказуемое»:

1.1. **Бесъмертныи умрѣ:** «*Умрѣ бесъмертныи, да мене мертва оживитъ*» [2, с. 60].

2. «Сказуемое + дополнение в В.п.»:

2.1. **Завѣщаю завѣтъ:** «*...завѣщаю имъ завѣтъ съ птицами небесными и звѣрьми земными и реку не людем моимъ: «людие мои вы»*» [2, с. 40];

2.2. **Недоконьчаная наконьча:** «*Иже недоконьчаная твоя наконьча...*» [Там же, с. 50].

3. «Сказуемое + обстоятельство»:

3.1. **Разделяются нераздѣлнѣ:** «*Не съливаю раздѣления, ни съединения раздѣляю, съвокупаются несмѣсно и разделяются нераздѣлнѣ*» [Там же, с. 58].

4. «Дополнение в В. п. + согласованное определение»:

4.1. **Злы злѣ:** «*Злы злѣ погубить я и виноградъ прѣдасть инѣмъ дѣлателямъ, иже въздаять ему плоды въ времена своа...*» [Там же, с. 36];

4.2. **Глаголь, глаголаныи:** «*Слышалъ бо бѣ глаголь, глаголаныи Даниломъ къ Науходносору...*» [Там же, с. 48].

5. «Творительный тавтологический “способа”»:

5.1. **Украши красотою:** «*...всякою красотою украси: златомъ*

и сребромъ, и каменiemъ драгымъ, и съсуды честными» [Там же, с. 50].

В «Словах» Серапиона Владимирского однокорневые синкретемы построены по четырем структурным моделям:

1. «Сказуемое + дополнение в В. п.»:

1.1. **Мѣрите мѣру:** «*В ню же бо, рече, мѣру мѣрите, отмѣрит вы ...*» [10, с. 448].

2. «Сказуемое + дополнение в Р. п.»:

2.1. **(Не) запрѣти запрѣщении:** «*Кыми ли запрѣщении не запрѣти нам?*» [Там же, с. 446].

3. «Творительный тавтологический “способа”»:

3.1. **Обновитесь обновлениемъ:** «*Молю вы, братье и сынове, премѣнитесь на лучшее, обновитесь добрым обновлениемъ...*» [10, с. 444];

3.2. **Озlobите злобою:** «*Аще злобою озlobите вдовицю и сироту, взопьют ко мнѣ, слухом услышу вопль их, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ*» [Там же, с. 448];

3.3. **Оутѣшитъ оутѣшеньемъ:** «*Аще бо поидемъ в воли Господни, встѣмъ оутѣшеньемъ оутѣшитъ ны Богъ небесныи, акы сыны помилует ны...*» [Там же, с. 442];

3.4. **Услышу слухом:** «*Аще злобою озlobите вдовицю и сироту, взопьют ко мнѣ, слухом услышу вопль их, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ*» [Там же, с. 448].

4. «Творительный падеж “орудия”»:

4.1. **Пожигаєте огнемъ:** «*Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаєте огнемъ невинныя чловѣкы ...*» [Там же, с. 450].

Приведенные контексты показывают, что для построения однокорневых синкретем только две из перечисленных структурных моделей используются обоими риториками: «сказуемое + дополнение в В. п.», «творительный тавтологический “способа”».

Однокорневые синкретемы относятся к эпидигматическому уровню, однако создаются по структурно-семантическим моделям, тождественным по форме устойчивым единицам парадигматического и синтагматического типов, что обуславливает особую системность данного вида синкретем. Подтипы рассматриваемых минимальных устойчивых единиц древнерусского текста, имеющие вид «сказуемое + дополнение» (в исследуемых текстах это следующие синкретемы: *завѣщаю завѣтъ*, *украши красотою*, *мѣрите мѣру*, *(не) запрѣти запрѣщении*, *обновитесь обновлением*, *озлобите злобою*, *оутѣшитъ оутѣшеньемъ*, *услышу слухом*, *пожигаете огнем*), можно назвать **глагольно-именными однокорневыми синкретемами**, которые сочетают в себе признаки двух видов устойчивых единиц, встречающихся в произведениях Древней Руси: глагольно-именных (относящихся к синтагматическому уровню) и однокорневых. Первая часть глагольно-именных однокорневых синкретем выражена глаголом, вторая – именем существительным. Объект и результат действия совпадают [7, с. 69]. В лингвистических трудах можно встретить различные названия для глагольно-именных синкретем (*описательные формы глагола*, *глагольные фразеологические единицы*, *сочетания «глагол + абстрактное*

существительное», *устойчивые глагольно-именные словосочетания*, *описательный глагольно-именный оборот* [8, с. 181], которые, указывая на структурный состав единиц, не подчеркивают их семантические особенности (наличие **синкретичного** значения).

В «Словах» Серапиона Владимирского все однокорневые синкретемы являются глагольно-именными, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона – только две.

Особого комментария требует глагольно-именная однокорневая синкретема *пожигаете огнем*, поскольку в синхронии слова *жечь* и *огонь* не воспринимаются большинством носителей русского языка как однокоренные. Этимологи утверждают, что данные лексемы являются этимологически родственными, так как происходят от общеславянской формы **gegti*, образованной от **degiti*. В результате ассимиляции *d* трансформировался в *g* [11].

А. М. Пешковский, анализируя семантические особенности глагольно-именных однокорневых синкретем, подчеркивает, что «...предмет существует только во время самого действия: дело возникает во время делания и прекращается вместе с ним» [6, с. 232]. В связи с этим, например, устойчивую единицу *завѣщаю завѣтъ* можно истолковать следующим образом: «завет дается Господом лишь до тех пор, пока Бог благословляет свой народ и наставляет людей на путь истинный посредством заповедей». Глагольно-именная однокорневая синкретема *озлобите злобою* имеет дефиницию «злость не утихнет до

тех пор, пока существует тот, кто её испытывает». Устойчивую единицу *оутѣшитъ оутѣшеньемъ* можно истолковать следующим образом: «утешение существует лишь до тех пор, пока Бог дарует его людям».

В заключение следует отметить, что дальнейший анализ особенностей

семантики, структуры и функционирования синкретем в древнерусских текстах поможет как в понимании отличительных черт мышления средневековых людей, так и в объяснении закономерностей развития лексико-семантической системы современного русского языка.

Библиографические ссылки

1. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII – XX вв. М. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 1963. 348 с.
2. Иларион. Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI – XII вв. С. 26 – 61.
3. Колесов В. В. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 606 – 610.
4. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.
5. Молдован А. М. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 1997. С. 480 – 486.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 5-е изд. М. : Учпедгиз, 1935. 452 с.
7. Пименова М. В. *Красотою украси*: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте / Филол. фак. СПбГУ ; Владим. гос. пед. ун-т. СПб. : Владимир, 2007. 415 с.
8. Пименова М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 178 – 194.
9. Пименова М. В. «Удвоение» онимов и апеллятивов (к 95-летию со дня рождения А. Б. Пеньковского) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : сб. ст. Владимир : Транзит-ИКС, 2023. С. 36 – 41.
10. Серапион Владимирский. Слова // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 440 – 455.
11. Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/ж/жечь> (дата обращения: 24.10.2024).

**STRUCTURAL-SEMANTIC MODELS OF SINGLE-ROOT SYNCRETEMES
(BASED ON THE TEXTS OF TEACHER'S LITERATURE
OF ANCIENT RUS')**

The article examines one of the types of stable units of the ancient text – single-root syncretems – based on the material of the teacher's literature of Ancient Rus' by outstanding medieval rhetoricians. The study identifies structural-semantic models on which these units are constructed, provides contexts of their use, and interprets the features of their semantics.

Keywords: teacher's literature, Old Russian stable units, single-root syncretems, structural-semantic models.

УДК 811.161.1

Е. В. Сирота

**СИНКРЕТИЧНЫЕ ПОТЕНЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ ЦЕЛИ**

В работе рассмотрены существующие дефиниции понятия «синкретизм», выявлены их сильные и слабые стороны, дифференциальные признаки смежных понятий и квазисинонимов. Дан анализ синтаксической категории цели, установлены факторы, детерминирующие обнаружение семантики цели в языковых структурах, предложена модель объективации цели с указанием облигаторных компонентов. Описаны способы вербализации семантики цели на синтаксическом ярусе языка; определены причины, вызывающие потенциальные возможности целевых синтаксических структур приобретать другие значения.

Ключевые слова: синтаксический ярус, семантика, цель, синкретизм, синтаксические единицы, полевая структура, синкретичные потенции.

Современная лингвистика, исследуя язык как систему знаков, постигает сущность специфической особенности языкового знака, которая заключается в асимметричности корреляции его интенционала и экстенционала. Специфика функционирования языка отражается в категориях симметрии и асимметрии. Один из частных случаев формально-содержательной асимметрии языка позволяет

выявить феномен синкретизма. Дискуссионность проблемы синкретизма заключается в том, что до сих пор исследователи номинируют это явление, используя разный понятийно-терминологический аппарат. Кроме того, применение данного термина варьируется от его широкой трактовки до понимания в узком смысле. В широком смысле его дефинируют как определенный тип нерасчлененно-

сти, в узком смысле – как соединение ряда функций или значений в одной единице выражения.

Синкретизм как языковое явление характеризуется тем, что на основе взаимодействия двух языковых единиц со своими отличительными признаками возникает третья единица, совмещающая частично или полностью их свойства.

Отдельные факты синкретизма отмечены грамматистами начала XIX века и более позднего времени, хотя термин «синкретизм» не употребляется в ранних исследованиях, а речь идет о «комбинировании» значений, об основном значении с дополнительным оттенком (А. М. Пешковский), промежуточных значениях или переходных случаях (Е. П. Ермакова). Иногда в грамматиках приводились примеры, представляющие, с современной точки зрения, контаминированные явления, которые тем не менее получили неверную трактовку авторами исследований. Вследствие этого описываемым фактам языка зачастую приписывалась лишь часть от целого комплекса выражаемых значений. В качестве примера приведем предложение из «Практической русской грамматики» Н. Греча: «Соглашаюсь на твое желание с тем, чтоб ты молчал» [3]. Для данной конструкции указано, что союз «чтоб» выражает условие, при котором совершается действие. Однако другие значения не отмечаются.

Анализ лингвистических трудов дает возможность констатировать, что синкретизм в области синтаксических категорий исследован не глубоко, сведения носят разрозненный характер.

Этим и обуславливается актуальность исследования. Цель данной работы – рассмотреть возможные случаи синкретизма различных синтаксических значений категории цели.

На сегодняшний день в языкознании нет оптимальной, общепризнанной дефиниции понятия «цель». В отдельных работах, объект которых целевая семантика, в качестве дефиниции используются толкования с помощью синонимической парадигмы квазисинонимов типа: *хотеть*, *намереваться*, *желать*, но не учитывается при этом факт наличия дифференциальных сем в данных лексемах. Во многих исследованиях ставится вопрос о связи семантики цели со значениями, входящими в состав обусловленности. Однако до сих пор нет сколько-нибудь подробного изучения данной проблемы. Более того, до настоящего времени не выявлены факторы, влияющие на доминанту одного из ряда синкретичных значений. Этим также обусловлена актуальность исследования.

Проанализировав различные дефиниции понятия «синкретизм», исследователь М. В. Пименова делает абсолютно корректное наблюдение и констатирует, что имеющиеся определения можно объединить по признаку наличия двух доминирующих семантических элементов: «1) смешение/слияние первоначально независимых друг от друга явлений/разнородных элементов; 2) исконная нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления» [16, с. 19 – 20].

Материалом для исследования послужили произведения писателей

XIX – XX веков: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. И. Герцена.

Специфика объекта исследования определила следующие методы исследования: наблюдение, описание, компонентный и контекстуальный анализ, трансформационный метод, метод моделирования, полевой метод и дистрибутивный анализ.

Как уже было отмечено, вопрос о семантике цели остается дискуссионным. Так, исследователь Л. В. Чистохвалова выделяет компоненты, репрезентирующие семантическую структуру цели. Лингвист утверждает, что семантика цели включает три элемента: семантический субъект (субъект целеполагания), пути и средства достижения цели, результат [20].

Существует также проблема квалификации синтаксической структуры как целевой. В данном случае в ряде работ исследователи утверждают, что целевой структуре присущи следующие признаки:

1) ирреальная модальность, для которой характерна намеренность и темпоральная отнесенность в план будущего;

2) объективация семантики желаемого результата с указанием действий субъекта целеполагания.

Можно выделить признаки целевой семантики, отображающие ее существование в дискурсе:

- субъектность;
- предметность;
- ценность, включающая оппозицию «желаемое»/«нежелаемое» с доминантным признаком «определенное желаемое состояние».

В рамках концепции отображающей грамматики синтаксическая категория цели рассматривается в виде совокупности дифференциальных признаков, проявляющихся в оппозиционной парадигме «цель – противочлен цели». Указанное определение ценно тем, что предлагает более корректную дефиницию финального члена и помогает выявить его семантические видоизменения. Степень интенсивности обусловлена усилением или ослаблением определенных отличительных свойств. Исходя из отмеченных особенностей, предлагаем следующую трактовку финального члена: под финальным членом понимается член бинарного противопоставления, обладающий семантикой предпочтительного, ожидаемого события, появление которого требует облигаторного члена, каким является наличие сознательной активной деятельности, которая ему предшествует. Выделенные в дефиниции дифференциальные признаки обозначают ядро семантики цели. Тем не менее это не означает того, что нельзя определить другие разновидности этой семантики. Анализ фактического материала дает возможность выявить следующее: кроме непосредственного отражения значения финальности может быть использовано и опосредованное. Потенциально возможным для реализации опосредованного значения служит условие, при котором событие-цель может быть достигнуто посредством другого события.

Исследователи давно пришли к выводу, что взаимодействие единиц языка в речи приводит к возникновению синкретичных отношений в обла-

сти синтаксических конструкций. Немаловажно, что стремление человека как можно полнее отразить разнообразие референтов в континууме обуславливает появление синкретичных явлений. Несмотря на то что синкретизм становился объектом исследования в трудах различных ученых, до сих пор нет единой дефиниции самого термина «синкретизм».

В работах В. В. Бабайцевой дифференцируются понятия переходности и синкретизма. Первое лингвист считает родовым, а второе – видовым: «Синкретизм – это свойство языковых и речевых явлений, одно из проявлений переходности» [2, с. 5].

Попытки дать определение синкретизма привели к смешению связанных понятий и их взаимозамещению в лингвистической литературе. Речь идет о терминах «нерасчлененность», «контаминирование», «периферийные явления», «промежуточные явления», «диффузность», «переходные явления».

В некоторых работах синкретизм рассматривают как свойство исключительно одного типа синтаксических единиц. Так, исследователь И. А. Логвиненко под синкретизмом в области таксиса понимает совмещение неоднородных единовременно реализуемых значений в одной форме [13, с. 50].

Е. И. Шендельс трактует синкретизм более широко: под синкретизмом ученый понимает способность грамматической структуры отображать одновременно два и более грамматических значений [21, с. 77 – 78].

В лингвистических работах, посвященных исследованию синкретизма, ученые отмечают, что синкретиче-

ским структурам, обладающим семантико-синтаксическим значением, свойственны такие дифференциальные признаки, как:

- одновременная вербализация двух или более сем в пределах одного знака;
- поддержание дискретности значений, которые реализуются в одной структуре;
- сложность содержания синтаксической конструкции;
- взаимоотношения синтагматических и парадигматических связей.

О причинах появления синкретизма на синтаксическом ярусе языка пишет В. И. Кодухов. Лингвист отмечает, что появление синкретичной семантики обусловлено, во-первых, наличием полисемантичности ряда синтаксических показателей, во-вторых, воздействием лексико-семантического содержания моделей [11, с. 32].

Опираясь на утверждения В. И. Кодухова, следует признать, что в практике функционирования языка есть возможность выявлять синтаксические конструкции с совмещением значений, среди которых ученый выделяет изъяснительно-причинные, причинно-целевые, условно-временные [Там же].

Дискуссионной является и проблема классификации типов синкретизма (см. работы Г. П. Уханова, В. В. Бабайцевой, Л. В. Ворониной).

Г. П. Уханов предлагает следующую рубрикацию типов синкретизма: «чистые» и «смешанные» (синкретичные) структуры [17, с. 90].

В. В. Бабайцева характеризует два типа синкретизма (данная точка

зрения принимается рядом исследователей, рассматривающих феномен синкретизма): нерасчлененный, или диффузный, и расчлененный. Конкретизируя специфику каждого типа, лингвист выделяет и признак, интегрирующий указанные типы. В. В. Бабайцева четко дифференцирует понятие «синкретичность» и «диффузность». Главным их различительным признаком ученый считает «отсутствие оформленности семантических компонентов многозначной семантики языковых и речевых фактов» [2, с. 154].

Г. В. Хораськина делает важное дополнение: в языке отмечаются также случаи полудиффузного синкретизма, сущность которого заключается в том, что один из элементов значения объективируется с помощью синтаксических средств, второй же определяется путем анализа содержания синтаксической конструкции [19]. В данной работе в качестве примеров отмечаются все названные синкретические типы.

На появление синкретичности смысла влияет категориальная семантика самой лексемы. Часто синкретичные отношения обусловлены лексико-грамматическими свойствами, в частности, в области словосочетаний – это сочетания целевых словоформ. В выявлении отношений синкретизма участвуют разнообразные грамматические средства в комбинации с лексическими компонентами предложения:

«В начале рассказа многие обращались невольно глазами к портрету, но потом все вперились в одного рассказчика, по мере того как рассказ его становился занимательней» [25].

Следует также указать на степень воздействия союзных средств как на фактор выявления синкретизма смысловой дистрибуции элементов.

Кроме того, для синтаксиса русского языка характерно наличие полифункциональных союзов, которые благодаря своей полисемии участвуют в формировании синкретичных отношений.

Привлекает внимание точка зрения С. Г. Ильенко, акцентирующей внимание на ряде причин, детерминирующих появление синкретичной семантики:

1) значение самой синтаксической конструкции;

2) значение морфолого-синтаксической конструкции;

3) значение лексико-синтаксической конструкции [10].

А. В. Леонтьева причины синкретизма и семантики диффузности видит в процессе ненулевой семантической редукции. Исследователь указывает на тот факт, что имеющиеся в настоящее время трактовки определения семантической диффузности дают возможность выделить следующие различительные признаки: «сложное многогранное явление, наблюдаемое на разных уровнях и обусловленное целым рядом предпосылок» [12, с. 109].

О дискуссионности понятия «диффузность» можно судить по наличию ряда дефиниций, основывающихся на различных семантических признаках, которые выделяются в качестве главных. Например, доминантным лексико-семантическим вариантом в концепции А. В. Жукова выступает неопределенность,

Л. В. Власовой – неоднозначность, в понимании О. А. Черепановой наблюдаем отождествление понятий «диффузность» и «синкретизм». Точка зрения О. А. Черепановой ошибочна, это доказывают высказывания ряда лингвистов. Приведем аргументацию Л. В. Ворониной: «в ряде исследований дифференциация диффузности и синкретизма при номинации особых характеристик семантики очерчена недостаточно точно или отсутствует вовсе» [6, с. 78].

Лингвист также отмечает, что ученые, дифференцируя области функционирования диффузности и синкретизма, в своих работах опираются на принцип, объективированный показателями гипотаксиса. Так, Шульскис связывает зоны действия диффузности в письменном дискурсе с явлениями бессоюзного таксиса, а зоны синкретизма – с явлениями союзного таксиса [22, с. 84]. Анализируя логику рассуждения лингвиста, Л. В. Воронина приводит весомые аргументы, доказывая их аллогизм [6, с. 79]: «Зови отца Сергия, пушай служит» [23]. Значение бессоюзного таксиса отличается диффузностью, тогда как для биномов типа участвовать с целью победы в конкурсе и в союзном подчинительном таксисе выявляется синкретизм: «... Говорил с самоуверенностью Пирогов, продолжая свое преследование и закутавши лицо свое воротником шинели, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых» [25].

В нашей работе разделяем концепцию Л. В. Ворониной, которая утверждает, что диффузность семантики может проявляться в каждой конструкции, которой свойственна

неоднозначность значения. Но не любую конструкцию, в которой объективируется диффузность, следует считать синкретичной [8, с. 219 – 220].

Трактовка понятия «цель» как предвосхищающего ожидаемого итога немотивированных и осмысленных поступков и действий индивида, с одной стороны, дает возможность отграничивать указанное значение от лексем с близкой семантикой, таких как предназначение, интенция, назначение действий и объектов, с другой – позволяет осознать расплывчатость характеристик для выявления неосложненности семантики цели иными значениями.

В ряде лингвистических работ отмечается смешение категорий «цель» и «назначение», которые, на наш взгляд, пересекаются лишь частично, в поле действия: включить для обогрева (цель действия) и радиатор для обогрева (назначение предмета).

Дефиниция понятия цели в Философском энциклопедическом словаре: «предвосхищение в мышлении результата деятельности» [18, с. 731] соприкасается с определением В. А. Белошапковой «желательное следствие» [4, с. 190]. Но здесь необходимы уточнения: предвидение результата вовсе не означает устремленности к его достижению, семантика следствия отображается средствами реальной модальности, желание вербализуется средствами ирреальной модальности. Цель является собой итог целенаправленных действий индивида, следствие допускает пассивность индивида, что обуславливает результат, не зависящий от воли субъекта.

Считаем возможным трактовать цель как желаемый результат целенаправленных действий субъекта со свойственными характеристиками: потенциальность, вербально оформленный результат, наличие целенаправленных действий субъекта, наличие семантического субъекта целеполагания.

Что касается намерения, то оно, по словам Н. Д. Арутюновой, имеет отношение к мотиву и предвосхищает цель, побуждая к какому-либо действию [1, с. 15]. Развивая концепцию ученого, Л. В. Воронина определяет намерение как факт действующего вида целеполагания [7, с. 90 – 91]. Природа интенциональности заключается в готовности субъекта действовать, чтобы добиться желаемого.

На основе изученных источников установим семантические характеристики цели:

- цель связана со сферой деятельности индивида (о чем свидетельствует частотная дистрибуция с местоимениями), цель отображает желания и стремления субъекта, что находит выражение в доминанте прономинальных биномов с модальными глаголами;

- маркаторами цели в дискурсах разного типа являются:

- субъектность (цель связана с индивидом и конструируется в его мыслительной деятельности в виде образа);

- цель – объект антиципации (предвидения, ожидания);

- аксиологичность, имплицитная интенциональность (осознанность, намеренность: достичь цели).

Выделенные характеристики можно рассматривать в качестве критериев, позволяющих установить пространство действия категории цели и выявить признаки, отличающие ее от других значений, входящих в общее понятие обусловленности, какими являются причина, следствие, условие. Так как они являются постоянными абсолютными, то их можно считать инвариантными признаками семантики цели, или, согласно концепции А. В. Бондарко, они представляют собой семантические константы [5, с. 12].

На синтаксическом ярусе языка способы репрезентации семантики цели отличаются вариативностью и разнообразием. Они представлены:

- а) на уровне синтаксических биномов, включающих элементы со значением цели;

- б) на уровне монопредикативных структур – деепричастными оборотами;

- в) на уровне союзного и бессоюзного таксиса – союзными и бессоюзными синтаксическими конструкциями.

Применяя полевой метод, проанализируем строение ядерной и периферийной зон поля синтаксической категории цели в русском языке. Ядро поля образуют синтаксические конструкции со скрепой «чтобы». Для структур, формирующих ядро поля, присущи следующие важные признаки, отличающиеся чрезвычайно высокой частотностью и интенсивностью проявления. К ним можно отнести: сфокусированность отличительных показателей признаков цели; концентрацию соединения средств языка, со-

державших семантику цели; частотность применения языковых средств в речевой практике; многофункциональность языковых средств; типизированность указанного средства языка.

Синтаксическая модель со скрепой «чтобы» отражает инвариантное значение цели, лишенное дополнительных содержательных элементов: «Я описываю все эти сцены, не щадя себя, чтобы все ясно припомнить и восстановить впечатление» [26].

Значение цели, репрезентируемое средствами монопредикации, строится по мозаичной структуре. Инвариантное значение приобретает дополнительные смысловые оттенки: на основную семантику цели могут наслаиваться семемы: приглашение, подтверждение, избежание, объективируемые предложно-падежными группами, в состав которых входят формы носителей признака в родительном падеже с отыменными предлогами: с просьбой, в подтверждение. Семантика квазицели появляется в предложно-падежных конструкциях: предлог (под видом) «в сочетании с» + род. падеж носителя признака. Семантика результата цели обнаруживается в бинамах с инфинитивом в роли субординативного компонента. «Первый начал говорить генерал Армфельд, неожиданно, во избежание представившегося затруднения, предложив совершенно новую... позицию...» [28]; «—...Вы не принадлежите к тем, которые под видом спасения рода человеческого хотят погубить Россию» [Там же].

Область ближней периферии формируют конструкции, где семантика цели вербализуется с помощью

специализированных средств, в роли которых выступают союзы «только бы не», «лишь бы не».

На дальней периферии поля синтаксической категории цели располагаются: а) словосочетания; б) бессоюзные сложные предложения; в) простые предложения с дееспричастным оборотом, в которых семантика цели часто синкретична и контакминируется с другими значениями. Включение данных структур в зону дальней периферии связана с ослаблением в них значения цели в связи с присутствием компонента, вербализуемого бинамом, построенным по модели «имя + сочетание имен» или «одиночное имя и другой компонент». К ним относятся предложно-падежные группы и конструкции, которые отличаются большей частотностью употребления: «Раскольников ... чувствовал в себе весьма достаточно сил приподняться...» [26].

Следует остановиться на предложениях антицели в структуре поля цели. Их специфика в том, что они построены по модели, свойственной синтаксическим единицам с семантикой цели, но содержательно в них нарушается логика отображения категории цели. Данное явление возникает в случае, если они повествуют о действиях спонтанного характера, приводящих вопреки к тому результату, который запрограммировал индивид, в значит, обладают специфическими элементами, свойственными для целевых структур. Однако они не способны отображать цель, их назначение в выражении модально-экспрессивной семантики негативной направленности и непримлемости для индивида,

положение которого модифицируется: «Стало быть, причины эти совпали для того, чтобы произвести то, что было» [28].

Проблема выделения зон структуры поля осложняется дискуссионностью выявления статуса определенных синтаксических структур в русском языке. До сих пор не получили однозначной классификации союзные конструкции со скрепой «вместо того чтоб». Ряд исследователей, в частности А. М. Пешковский, исключают данный тип из целевых конструкций и включают в состав изъяснительных придаточных [15]. М. В. Глазунов, наоборот, обнаруживает в них целевую семантику, относя к «придаточным отвергнутой цели» [9, с. 122]. Л. В. Воронина рассматривает данные конструкции как структуры «замещенной цели» [8, с. 213].

В статье мы попытались определить потенциальные случаи синкретизма синтаксических значений с семантикой цели. Можно применить этимологический анализ, который релевантен не только на уровне лексической семантики, но и на уровне синтаксических функций. Проанализировав ряд случаев функционирования синтаксической категории цели, отмечаем, что семантика цели оказывается связанной с семантикой локальности, причинная – с темпоральной, темпоральная – с локальной, и данный ряд можно продолжить. Предметом нашего интереса являются сочетания с целевым значением.

Как отмечают исследователи, «целевые сочетания развились на базе одного из типов пространственных значений, а именно такого, в котором

существительное называло направление движения, действия, обозначенного глаголом» [14, с. 54]. Наиболее подходящими в этом случае стали сочетания с предлогами «к» + дат. падеж, «в» (на) + вин. падеж. По данным моделям построены и сочетания современного русского языка: иду на охоту, еду в гости, ушел на рыбалку, пошел на работу, пригласил на обед (к обеду). Однако существительные «рыбалка», «охота», «работа» и подобные ни в коей мере не называют сами по себе место, направление движения. Они номинируют событие, процесс. Вероятно, дело в том, что первоначально они, обозначая ярко выраженную цель действия, выступали в конструкциях типа: иду в лес на охоту (охотиться), пошел на завод на работу (работать), пригласил к себе на обед (обедать). Обязательно присутствует указание на какое-то определенное место, и именно с этим местом связано действие, необходимое для достижения цели: в гости – чей-то дом, семья (но не учреждение, не улица, не парк); на охоту – лес, поле, степь (но не улица, не дом); рыбалка – озеро, река, море; работа – учреждение, предприятие.

В истории языка эта связь была постоянной, достаточно было назвать цель действия, и по ассоциации возникало представление о месте действия. При таком условии называния места действия оказалось избыточной информацией. Так, в целях экономии речевых средств возникли рассматриваемые выражения: иду на работу, ушли в гости. В них синкретично сплелись указания на место и цель действия.

Таким образом, есть основания говорить о синкретизме места и цели. Данное предположение подтверждается следующим образом. Рассмотрим предложения:

Он отправился на охоту.

Он вернулся с охоты.

Существует несомненная смысловая связь двух предложений. Во втором предложении «с охоты» может квалифицироваться только как обстоятельство места. Это доказывается подбором синонимов: Он вернулся оттуда, где охотился. Место может называться по действию, называемому на этом месте.

В первом же предложении «на охоту» можно заменить синонимическим «охотиться», следовательно, реализуется значение цели.

Контаминация цели и места позволяет в ряде случаев ставить вопрос «куда?» к предложно-падежным группам или инфинитивам с более ярко выраженным значением цели.

В речи действует тенденция к экономии средств выражения, одним из частных случаев которой является стремление использовать компактные выражения. Эта тенденция проявляет себя в сфере выражения различных функций высказывания, в частности, и при выражении категории цели.

Проанализируем пример: Он велел тотчас подать себе одеться. В этом предложении при глаголе физического действия «подать» употребляется инфинитив «одеться». Инфинитив этот нельзя рассматривать только как выражение действия. Невозможность такой интерпретации ясна из сочетаемости «подать одеться». «Подать» – переходный, сильноуправля-

ющий глагол, который требует прямого объекта. Подавать можно (что? кого?) какой-либо предмет, но не действие. Поэтому появляется возможность рассматривать инфинитив не только как выражение действия, но и как выражение предмета, с помощью которого действие совершается. Слово «одеться», таким образом, обозначает и процесс одевания, и предмет одевания – одежду. Предмет одевания не назван, чтобы избежать тавтологически выражения: он велел подать одежду одеваться / принесли питье пить / дай еду поесть и т. д.

Финальные отношения могут совмещаться с атрибутивными. Такое совмещение объясняется двойственной связью оборота, выражающего цель (предложно-падежной группы, придаточного предложения, инфинитивной конструкции). Так в предложении «Из озера они пронеслись в реку, ... подходя беспрестанно под протянутые впоперек реки канаты для ловли» [25]. «Для ловли» связано с действием-признаком «протянутые» и выражает событие, которое является целью этого действия (протянутые с целью ловли). Одновременно указанная структура связана с предметом «канаты», показывает признак, свойство, возможность использования, назначение канатов (канаты для ловли – рыболовные канаты). Наблюдаем синкретизм атрибутивно-финальных отношений.

Известно, что в определении синтаксической функции большую роль играет порядок слов в предложении. Так, в нашем примере «для ловли» стоит непосредственно за существительным «канаты» и отделено от

глагольной формы «протянутые» группой слов. Следовательно, связь с существительным более тесная, чем с глагольной формой, поэтому можем говорить о большей степени атрибутивности, чем финальности, т. е. на первое место в данной предложно-падежной группе выступает атрибутивное значение. Изменение порядка слов приводит к изменению функции. Так, если «для ловли» оторвать от существительного и переставить непосредственно к глаголу (... под протянутые для ловли впоперек реки канаты) усиливается связь «для ловли» с глагольной формой, ослабевает связь с существительным «канаты», атрибутивно-финальные отношения переходят в финальные с оттенком назначения.

Возможны случаи синкретизма синтаксической категории цели с другими. В частности, придаточное цели может служить для раскрытия образа действия, т. е. образ действия может определяться по его цели: «Петр Иванович, целясь так, чтобы попасть, швырнул в нее поднос» [25]. В этом предложении указано действие, необходимое для осуществления цели (швырнул), и образ этого действия (так ...). Цель в данном случае служит средством отметить образ действия, по цели мы узнаем об образе действия.

«... да и ваша натура не так уже господом богом устроена, чтоб стрелять» [Там же].

Замечаем, что во всех примерах синкретизма цели и образа действия в предложении имеется местоименное наречие «так» или другое наречие, «расшифровкой» которого и является придаточное цели.

Если в главном предложении вместо наречия «так» находятся слова и сочетания «настолько», «в такой мере», «до того», «столько», «до такой степени» и так далее, несущие количественную информацию, то появляется новый оттенок – указание на меру, степень. Таким образом, возникает синкретизм цели и меры или степени: «Никто не может стать настолько выше своего века, чтоб совершенно выйти из него...» [24].

Возможны случаи синкретизма следствия и цели. Языковедами отмечены уже модели «стоило ... + чтобы ...», «достаточно ..., чтобы ...», вторая часть которых, выражая модальность желательности, что в совокупности с другими семантическими конституентами характеризует цель, указывает также на следствие тех незначительных усилий, которые названы в первой части конструкции: ... достаточно поперечного разреза волоса, чтобы определить уже исследованное животное.

Синкретичные отношения цели и следствия отмечаем и в некоторых конструкциях с союзом «с тем, чтобы», осложненных деепричастным оборотом:

«Император Зенон отправил великого своего полководца Дитриха в Италию с тем, чтоб сию державу завоевав, присовокупить к Греческой Монархии» («Всеобщая история»).

Совмещение значений в данном случае объясняется двойственной связью оборота «с тем чтобы + инфинитив», с одной стороны, инфинитивный оборот выступает как желаемое, планируемое при противочлене «отправил» (целевое значение: «отправил с

целью присовокупить»); но, с другой стороны, данный оборот связан причинно-следственной связью с деепричастием «завоевав» (присоединение – следствие завоевания). Таким образом, в одной синтаксической структуре наблюдаем синкретизм цели и следствия.

Единичны случаи синкретизма цели и времени:

«Ко дню рождения приготовлены были сюрпризы» [25].

«Все это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим

каждый год домой на каникулярное время» [Там же].

Также единичны случаи контаминации категорий цели и условия:

«Что, если бы вместо этой будущности предложили вам десять тысяч чистыми деньгами с тем, чтобы сей же час отправились обратно в Париж» [27].

Таким образом, можем представить модель семантических потенций синтаксической категории цели (рисунок).

Модель семантических потенций синтаксической категории цели

В результате наблюдений установлено, что есть такие синтаксические позиции, где категория цели четко противопоставлена всем остальным категориям, и такие, где синтаксическая категория цели слабо отграничивается от других категорий, в таком случае говорим о синкретичных потенциях анализируемой категории. С локальностью категория цели сбли-

жается в тех случаях, когда желаемое действие предполагает определенное место его протекания, вызывающее действие, одновременно указывает и на предполагаемое место этого действия. Отмечены случаи синкретизма цели и объектности, цели и атрибута, цели и условия, цели и образа действия, цели и времени, цели и следствия.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М. : Наука, 1992.
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка и методике их изучения. М. : Дрофа, 2000.
3. Белинский В. Г. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. М. : Литрес, 2022.
4. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М. : Просвещение, 1967.
5. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и аспектологии. Л. : Наука, 1983. С. 208.
6. Воронина Л. В. Факторы семантической диффузности в синтаксических конструкциях цели // Вестник Сев.-Восточ. гос. ун-та им. М. К. Аммосова. 2017. № 3.
7. Воронина Л. В. Семантические нюансы интенциональных конструкций // Там же. 2018. № 2.
8. Воронина Л. В. Текстовые единицы с семантикой цели в современной русской языковой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2023.
9. Глазунов М. В. Семантические разновидности сложных предложений с придаточными цели // Ученые записки Орловского гос. ун-та. 2015. № 6.
10. Ильенко С. Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Л. : [б. и.], 1964.
11. Кодухов В. И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе : докл. конф. Вологда : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1967.
12. Леонтьева А. В. Идея диффузности в лингвистической научной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015.
13. Логвиненко А. Д. Психология восприятия. М. : Изд-во МГУ, 1987.
14. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века / Н. Ю. Шведова, И. И. Ковтунова. М. : Наука, 1964.
15. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. : URSS, 2022. 434 с.
16. Пименова М. В. Семантический синкретизм как регулятор динамической устойчивости лексической системы языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 23. 2024. № 6. С. 109 – 124.
17. Уханов Г. Н. Синтаксис предложения. Калининград : КГУ, 1983.
18. Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004.
19. Хораськина Г. В. Синкретичные отношения обусловленности в разноструктурных языках (на материале русского и чувашского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2006.

20. Чистохвалова Л. В. Семантика цели : дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2004.
21. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка : учеб. для пед. ин-тов иностран. языков и филол. факультетов ун-тов. М. : Изд-во литературы на иностр. яз., 1958.
22. Шульскис С. А. Диффузность семантики и структуры в сложном предложении при устной форме его реализации // Язык, сознание, коммуникация. М. : МАКС Пресс, 2005.

Источники

23. Булгаков М. А. Роковые яйца // М. А. Булгаков. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. М. : Голос, 1995.
24. Герцен А. И. Былое и думы. М. : Азбука, 2021.
25. Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Русская книга, 1994.
26. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 5, Т. 8. Л. : Наука, 1990.
27. Пушкин А. С. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М. : Худож. лит., 1986.
28. Толстой Л. Н. Война и мир. В 4 т. Т. 3. М. : Галерея классики, 2022.

E. V. Sirota

SYNCRETIC POTENTIALS OF THE SYNTACTIC CATEGORY OF PURPOSE

The paper examines existing definitions of the concept of “syncretism”, identifies their strengths and weaknesses, and, using seme and sememe analysis, identifies the differential features of related concepts and quasi-synonyms. A detailed analysis of the syntactic category of purpose is given, identifying factors determining the detection of the semantics of purpose in language structures, and proposing a model of purpose objectification with an indication of obligatory components. The study describes ways of verbalization of the purpose semantics at the syntactic level of the language and determines the reasons causing the potential possibilities of target syntactic structures to acquire other meanings.

Keywords: syntactic level, semantics, purpose, syncretism, syntactic units, field structure, syncretic potentials.

УДК 141.2

А. И. Иваненко

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСИХАЗМА

Статья посвящена компаративному исследованию феномена исихазма через его сопоставление с гностицизмом. В свете новейших исследований исихазм трактуется не только как восточнохристианская монашеская практика безмолвной молитвы, но как широкое поздневизантийское умонастроение, связанное с именем Григория Паламы и его последователей (Иоанна Кантакузина и Николая Кавасилы), которое включает в себя также и светские формы, получившие названия «политический исихазм» и «лаический исихазм». Исихастская концепция вечных энергий и Фаворского света означает радикальный отказ от раннехристианских и ранневизантийских представлений, которые были пропитаны гностическим духом дуализма земного и небесного, отрицанием тела. Общим местом гностической установки был онтологический пессимизм как отрицание падшей реальности, которая была испорчена грехом. В этом отношении исихазм, демонстрируя полное следование ортодоксальной христианской традиции, тем не менее исходит из радикально противоположной установки, а именно онтологического оптимизма. Эмпирическая материальная реальность – это уже не столько мир греха, сколько пространство, наполненное невидимыми божественными энергиями, одной из которых был Фаворский свет из синоптических Евангелий.

Ключевые слова: Григорий Палама, Святогорский томос, Фаворский свет, византийская философия, гностицизм, исихазм.

Исихазм оказал существенное влияние на формирование русской духовной культуры, и это вызывает пристальный интерес к нему со стороны отечественной гуманитарной науки. Большую роль в популяризации исихазма сыграл С. С. Хоружий (1941 – 2020), который еще в 1978 г. написал «Диптих безмолвия» [21]. Эта популяризация стала возможной благодаря ряду академических исследований. Некоторые из них (Л. А. Успенский) отмечали влияние исихазма на рос-

сийское изобразительное искусство (прежде всего иконопись) [19]. Другие обращали внимание на политические аспекты и его роль в становлении Российского государства, вследствие чего Г. М. Прохоров еще в 1960-х гг. ввел понятие «политический исихазм» [15]. Современный исследователь А. Ю. Григоренко утверждал, что сама концепция «святой Руси» имела исихастское обоснование, поскольку сакрализация пространства была одним из следствий идеи обожения плоти [4, с. 58].

Отправной точкой многих современных исследований исихазма стал труд Иоанна Мейендорфа «Введение в изучение Григория Паламы» (*Introduction a l'etude de Gregoire Palamas, Paris, 1959*). В нём, по утверждению В. Н. Лосского, произошло «открытие» исихазма [12, с. 196]. Мейендорф продолжал идеи «неопатристического синтеза», предложенные еще Г. В. Флоровским, однако основной упор в возрождении византийской философии он сделал как раз на исихазме, который удачно коррелировал как с популярными в середине XX в. восточными дыхательными практиками, так и новейшими открытиями в сфере физики энергий.

Мейендорф подчеркивал неоднозначность трактовок исихазма [13]. С одной стороны, это известная с IV в. христианская аскетическая практика безмолвия, которая по-гречески звучит как «исихия» (*esuhia*). С этой позиции почти вся православная аскетика отождествляется с исихазмом. С другой стороны, под исихазмом понимается паламизм – учение Григория Паламы (1296 – 1359), жившего в последний (палеологовский) период существования Византии.

Эта неоднозначность создает некоторую терминологическую путаницу, поскольку исихазм как практика аскетического безмолвия («исихия») и умной молитвы существовал задолго до Григория Паламы, однако он не конституировался в отдельный и самодостаточный феномен. Основные положения философского исихазма (паламизма), такие как «теория божественной энергии и сверхчувственного света» [18, с. 248], отнюдь не ха-

рактеризуют всю православную аскетическую традицию и оформились лишь в ходе исихастских (паламитских) споров в 1341 – 1351 гг.

Определенная оригинальность и новизна философского исихазма (паламизма) привела к тому, что против него выступили не только представители «европейского гуманизма» вроде Варлаама Калабрийского, но и консервативные круги византийского общества, такие как константинопольский патриарх Иоанн XIV Калека, а также мыслители Григорий Акидин (ученик Григория Паламы) и Никифор Григора [5, с. 366].

В ходе исихастских споров легко был принят тезис о вечности света Преображения, упомянутого в новозаветном тексте синоптических Евангелий (Мф. 17:2, Мк. 9:2-3, Лк. 9:29). Однако в византийской и средневековой философии вечность не всегда была тождественна божественности, поскольку ангельская природа характеризовалась как вечная, но сотворенная («тварная»). Поэтому богословская полемика относительно основных положений философского исихазма затянулась на десятилетия, а её результаты были включены в православную догматику, причем сам Григорий Палама в 1368 г. был причислен к лику святых.

Изначально сугубо богословский спор наложился на острую внутриполитическую ситуацию в Византии, где за власть боролись «проевропейская» и «протурецкая» партии (по другой версии, «латинофилы» против «туркофилов»). Сторонник и покровитель исихазма Иоанн VI Кантакузин (1295 – 1383) обрел власть в Констан-

тинополе в 1347 г. при помощи турецкого эмира Урхана [18, с. 214], а потерял в 1354 г. из-за вмешательства наемников генуэзца Франческа Гаттилузи. Политическая и богословская сфера в исихастских спорах пересекались не только ситуативным образом.

Противники Григория Паламы склонялись к позиции авторитетного на Западе Фомы Аквинского (1225 – 1274), который, наследуя традиции аристотелизма, не различал в Боге сущность и энергию, ибо согласно его «Сумме Теологии» «в Боге нет ничего потенциального, из этого следует, что в Нем сущность (*essentia*) не отличается от существования (*esse*). Отсюда понятно, что Его сущность есть Его же существование» [20].

Григорий Палама тоже наследовал традиции аристотелизма, используя понятие «энергия», однако он понимал его иначе, чем Фома Аквинский. Энергия исихастов – это не сама действительность и не то, что противостоит возможности как реализация. Энергия – это неотчуждаемое проявление сущности. Одной из энергий Бога является Фаворский свет, к которому в «Святогорском томосе» (первом исихастском документе) применены девять характеристик. Он назван «неизреченным (*aporreton*), нетварным (*aktiston*), вечным (*aidion*), вневременным (*ahronon*), неприступным (*aprositon*), неизмеримым (*apleton*), беспредельным (*apeiron*), безграничным (*aperioriston*), невидимым» [17]. При этом этот невидимый свет является источником зримой красоты, славы и святости. В некоторой степени «вечная энергия» – это имманентный аспект Бога, который неотделим от его

трансцендентной сущности, но не сводится к ней.

Практика исихазма дополняла безмолвие «умной молитвой», заключающейся в многократном бессловесном повторении молитвенной фразы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Многие исследователи усматривали в этом аналогии с распространенным на Востоке мистическим учением суфизма. Например, Иоанн Мейендорф отмечал «несомненное влияние ислама» на исихазм, поскольку постоянная молитва «разительно» напоминала зикр (практику поминания Бога) [14].

Другой параллелью между суфизмом и исихазмом является «концепция мира как зеркала, отражающего Бога». Иоанн Мейендорф полагает, что Григорий Палама воспринял ее «у греческих отцов». Однако если допустить факт влияния суфизма на исихазм, то заимствования не могли ограничиваться одним зикром. Та же концепция мира как зеркала Бога занимала центральное место в философии величайшего шейха суфизма Ибн Араби (1165 – 1240) [7].

Касаясь вопроса о несомненной преемственности между греческой патристикой и философским исихазмом, нельзя не заметить тех «парадигмальных» различий, которые разделяют ранневизантийскую и поздневизантийскую мысль. Действительно, Григорий Палама неоднократно ссылается на таких известных представителей патристики IV – VI вв., как Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Нисский и Дионисий Ареопагит [5], однако тональность его мировосприятия несколько иная.

Ранневизантийская (раннехристианская, патристическая) мысль обосновывала аскетическую практику через то, что у Иоанна Лествичника (VI в.) обозначено как «отречение от мира» (*anahoresis kosmou*) [8, с. 16]. Это негативное мироощущение было чрезвычайно укоренено во всей предшествующей монашеской традиции, которая при своем формировании активно впитывала различные античные философские идеи: от платоновского представления о теле как темнице души до стоического идеала бесстрастия. В социальном плане ранневизантийский пафос мироотрицания выражался в концепции святого Августина (V в.) о «двух градах», которая предполагает взаимодействие в истории человечества двух начал: греховно-земного и божественно-небесного.

В противовес августинианству исихазм отрицает «жесткое противоречие» между социальным и божественным [2]. Поэтому в исследовательской литературе появляются такие понятия, как «политический исихазм» [15] и «лаический исихазм» [11, с. 60], что выводит это явление за пределы сугубо монашеской традиции. Основанием для преодоления жесткого дуализма между небесным и земным, божественным и сотворенным была как раз концепция нетварных энергий Григория Паламы, которая утверждает имманентность Бога в мире.

Иоанн Мейендорф даже называет подобный подход «христианским материализмом» [14], хотя здесь материализм понимается иначе, чем в отечественной философской традиции. Не «материя первична», а материя (плоть, *sarks*) включена в план спасе-

ния посредством ее преобразования (*metamorfosis*) и обожения (*theosis*). В этом случае исихазм стоит охарактеризовать не как материализм, а как онтологический оптимизм, поскольку акцент ставится не на греховности материального мира, а на его озаренности невидимыми божественными энергиями.

Действительно, вместо умерщвления плоти и отречения от мира, что характерно для ранневизантийского (патристического) периода, исихастский «Святогорский томос» описывает состояние преобразования, подчеркивая, что в нем страстная часть души и тело являются не умерщвленными (*nekrothentos*), но освященными (*agiasthentos*) [17]. Этот аспект реабилитировал мирскую жизнь и открывал широкий простор для политической, гражданской и культурной активности.

Представитель так называемого «лаического» (т. е. светского) исихазма Николай Кавасила (ок. 1322 – 1398) утверждал: «Нет нужды ни удаляться в пустыню, ни питаться необычной пищей, ни менять одеяние, ни подвергать опасности здоровье, ни пытаться свершить иное какое-либо резкое действие: можно, сидя дома и не теряя ничего из своего имущества, постоянно жить с таковыми помыслами» (Цит. по: [9]). При этом движение исихазма не впадало в секуляризм, характерный для европейской Реформации XVI в. Монастыри окружались почетом и становились важными центрами социально-политической жизни. Вместо крайностей эскапизма и секуляризма предлагался средний путь духовно-светской симфонии.

Исихасты из Афона принимали активное участие в политической жизни Византии XIV в., однако наиболее заметный след они оставили в России, в которой в то время происходили активные процессы этнической консолидации и государственного строительства. Исихастом был Сергей Радонежский (1314 – 1392), вдохновивший Дмитрия Донского на Куликовскую битву 1380 г. [3, с. 24]. Исихастом был и Андрей Рублев (1360 – 1428) [22, с. 63], заложивший национальную традицию иконописи. Примечательно, что в ранневизантийский период мы не находим аналогичных фигур, поскольку тогда господствовал онтологический пессимизм – остро ощущалась греховность мира.

Наиболее ярко онтологический пессимизм проявился в гностицизме. Хотя он был еще во II в. охарактеризован как одна из первых христианских ересей, исследователи отмечают значительное его влияние на весь раннехристианский период. Р. В. Светлов в своей монографии «Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика» утверждает, что в раннехристианский (ранневизантийский) период «гнозисное сознание» было характерно не только для номинальных еретиков вроде Валентина, Василида и Маркиона, но для вполне ортодоксальных христианских авторов, каковым был Климент Александрийский – первый значительный представитель Александрийской школы богословия [16, с. 18].

Характерной чертой гностицизма являлся дуализм с жестким и морализирующим противопоставлением земного и небесного, материального и

идеального, злого и доброго [10, с. 27, 44]. Этим он отличается от монистического платоновского идеализма, который отрицал решающее значение материального фактора. При этом гностицизм активно использовал терминологию Платона, в частности понятие «демиург» (эквивалент Бога-Творца). Само происхождение гностицизма довольно туманно, однако очевидно, что он представлял собой александрийский эллинистический синтез, в котором греческие философские компоненты комбинировались с ближневосточной религиозностью.

Гностицизм часто сопоставляется с синхронно существующим манихейством иранского происхождения. Оба умонастроения характеризовал дуализм, однако гностицизм признавал зло производным добра, подобно тому как в ортодоксальном христианстве дьявол («падший ангел») считался производным от Бога. Поэтому применительно к гностицизму иногда используют термин «монодуализм» [16, с. 38].

Гностическое неприятие земного и материального, «гнушение миром» [10, с. 32] отчетливо прослеживаются в христианском монашестве, которое оказывало серьезное воздействие на умонастроение ранневизантийского периода. Вполне в духе гнозисного сознания мыслит Иоанн Лествичник, который обобщил духовный опыт позднеантичного и византийского Египта с III по V в. Его «Лествица» пронизана идеями «отречения от мира» и «отвержением естества» (*arnesis fuseos*) [8, с. 16].

Богословским следствием гностического «гнушения миром» стал

докетизм, согласно которому Иисус Христос мог лишь призрачно присутствовать в нашем мире, ибо земное и материальное не могло быть причастно божественному [16, с. 58; 10, с. 21, 34].

Ортодоксальная церковь на Халкидонском Вселенском соборе в 451 г. утвердила двойственный, диофизитский и богочеловеческий характер Иисуса Христа. Прежде влиятельный защитник христианской ортодоксии Афанасий Великий (IV в.) настаивал на несовместимости божественного и тварного бытия [10, с. 102]. В составленном при его участии Никейском символе веры (325 г.) содержится формулировка об Иисусе Христе как о «вочеловечившемся» (*enantropesanta*) Сыне Божьем. Подобная характеристика вполне могла трактоваться и в духе монофизитства, который тяготел к гностицизму.

Внутри христианской монашеской аскетики рудименты гнозисного сознания сохранялись на протяжении веков. Практика безмолвия (исихии), от которой берет свое начало само название «исихазм», вполне поддается интерпретации с позиции гностицизма, где Логос (Слово, Сын Божий) воспринимается как «эон» (проекция) трансцендентного Божества, именуемого Молчанием (*sige*) [10, с. 102].

Однако в целом не только гностицизм, но и гнозисное сознание было чуждо исихастскому учению Григория Паламы. Божественное Молчание, которое предшествовало вербальным актам творения, могло трактоваться и трактовалось как Тьма, из которой воссиял Свет. Эта позиция характеризует учение Дионисия Ареопагита о божественном мраке (*theios*

gnofos) [6]. Однако обожествление Тьмы создавало угрозу этическому аспекту христианства и открывало путь нравственному релятивизму.

Примечательная черта гностицизма – отрицание Ветхого Завета, поскольку его авторство приписывалось «злым богам» (архонтам) этого мира, вскользь упомянутым апостолом Павлом под именем «мироправителей» – *kosmokratoras* (Послание Ефессянам 6:12). Отсюда возникал соблазн инверсии, когда добро и зло, жизнь и смерть могут меняться местами.

В противовес гностицизму и носителям гнозисного сознания исихазм настаивал, что прежде создания видимого света существовал невидимый божественный нетварный Свет. Сам по себе библейский текст не дает однозначного ответа на соотношение Света и Тьмы. Фраза «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Бытие 1:3) допускала и гностическое толкование в том плане, что тьма предшествования свету. Это представление сохранилось до времени появления сочинений Дионисия Ареопагита в VI в.

Однако уже Василий Великий во второй беседе на «Шестоднев» (IV в.) выступал против гностических трактовок первых стихов Библии [1]: тьма (*skotos*), по его мнению, это не более чем отсутствие света, а ангелы, безусловно, изначально обитали в свете. Таким образом, тьма вторична по отношению к свету. Тем не менее он допускает такие формулировки, как «Первое Божие слово создало природу света, разогнало (*efanise*) тьму». Безусловно, Василию Великому знакома

библейская фраза «Бог есть свет» (1-е Послание Иоанна 1:5). Более того, он её использует, чтобы отвергнуть отождествление тьмы и Бога, которое приписывается гностикам в лице Маркиона и Валентина. Однако далее мысль не развивается, а утверждение, что первое слово Бога разгоняет тьму, оставляет неясность относительно соприсутствия Бога и тьмы прежде творения. Аргумент к ангелам, которые обитают в свете, не может считаться убедительным в контексте последующих исихастских споров, поскольку ангельский свет мог считаться таким же сотворенным, как и сами ангелы.

Таким образом, выявляя специфику исихазма, можно заметить разительное различие с более ранней христианской аскетической традицией. Если раннехристианская (ранневизан-

тийская, патристическая) мысль была пронизана гнозисным сознанием, которое выражалось в онтологическом пессимизме, «гнушении миром» и «отвержении естества», то исихазм, напротив, характеризуется онтологическим оптимизмом, тенденцией к отказу от «умерщвления» плоти и восприятию мира как зеркала Бога. Впоследствии этот онтологический оптимизм, неразрывно связанный с идеей нетварного Фаворского света, нашел выражение во фреске Успенского собора во Владимире, где, как отмечает исследователь И. К. Языкова, композиция «Страшный Суд» «пронизана тихим светом и наполнена радостью ожидания», поскольку «свет, приходящий в мир, и есть любовь, преобразующая мир» [22, с. 65].

Библиографический список

1. Святитель Василий Великий. Беседы на Шестоднев [Электронный ресурс] // Творения. М., 1891. URL: <https://predanie.ru/book/70853-besedy-na-shestodnev/> (дата обращения: 28.06.2025).
2. Величко А. М. Исихазм как политическое явление [Электронный ресурс] // Вестник юрид. фак. Южного федер. ун-та. 2019. Т. 6. № 1. С. 35 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isihazm-kak-politicheskoe-yavlenie> (дата обращения: 28.06.2025).
3. Волкова Л. Д., Караваева Е. В. Исихазм как составная часть русской православной культуры // Вестник Томского пед. ун-та. 2013. № 5. С. 21 – 28.
4. Григоренко А. Ю. Исихазм в пространстве русской религиозно-философской мысли // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 3. С. 51 – 60.
5. Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих. М. : Канон, 1995. 384 с.
6. Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии [Электронный ресурс] // Корпус сочинений. СПб., 2006. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/sochinenija/ (дата обращения: 28.06.2025).
7. Ибн Араби. Геммы мудрости (Фусус аль-Хикам) [Электронный ресурс]. М., 1993. URL: <https://www.sufi.su/books/gemmy-mudrosti-fusus-al-khikam-ibn-arabi> (дата обращения: 28.06.2025).

8. Преп. Иоанн Лествичник. Лествица. М. : Православное братство св. апостола Иоанна Богослова, 2001. 352 с.
9. Каллист (Уэр). «Действовать в покое»: влияние исихазма XIV века на византийскую и славянскую цивилизации [Электронный ресурс] // Символ (Журнал христиан. культуры при Славянской библиотеке в Париже). 2007. № 52. С. 51 – 71. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kallist_Uer/dejstvovat-v-pokoe-vlijanie-isihazma-14-veka-na-vizantijskuyu-i-slavjanskuyu-tsivilizatsii/ (дата обращения: 28.06.2025).
10. Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя церкви. М. : МГУ, 1994. 176 с.
11. Козлов М. Николай Кавасила и его богословское наследие // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 10. С. 60 – 65.
12. Лосский В. Н. Паламитский синтез // Богословские труды. М., 1972. № 8. С. 195 – 203.
13. Мейендорф И. Григорий Палама и православная мистика [Электронный ресурс]. М., 2000. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/svjatoj-grigorij-palama-i-pravoslavnaja-mistika/ (дата обращения: 28.06.2025).
14. Мейендорф И. Жизнь и труды святителя Григория Паламы [Электронный ресурс]. СПб., 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/zhizn-i-trudy-svjatitelja-grigorija-palamy/ (дата обращения: 28.06.2025).
15. Петрунин В. В. Политический исихазм и его традиции в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. М. : МГУ, 2002. 22 с.
16. Светлов Р. В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб. : СПбГУ, 1996. 231 с.
17. Святогорский томос в защиту священнобезмолвствующих [Электронный ресурс] // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6). С. 69 – 76. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Palama/svjatogorskij-tomos/ (дата обращения: 28.06.2025).
18. Удальцова З. В. Византийская культура. М. : Наука, 1988. 288 с.
19. Успенский Л. А. Исихазм и гуманизм – палеологовский расцвет [Электронный ресурс] // Богословие иконы православной церкви. Переяславль, 1997. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Leonid_Uspenskij/bogoslovie-ikony-pravoslavnoj-tserkvi/11 (дата обращения: 27.06.2025).
20. Фома Аквинский. Сумма теологии [Электронный ресурс]. Киев, 2002. Т. 1. Вопр. 3. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/3_3 (дата обращения: 28.06.2025).
21. Хоружий С. С. Диптих безмолвия [Электронный ресурс]. URL: <https://predanie.ru/book/90073-diptyh-bezmolviya/> (дата обращения: 27.06.2025).
22. Языкова И. К. Богословие иконы. М. : Общедоступный Православ. Университет, 1995. 118 с.

PARADIGMATIC FEATURES OF HESYCHASM

The article is devoted to comparative research of Hesychasm phenomenon in its relations with Gnosticism. According to recent research, Hesychasm is regarded not only as Eastern Orthodox practice of silent prayer, but as a broad late-byzantine intellectual movement, associated with Gregory Palamas and his followers such as John Cantacuserenus and Nicholas Cabasilas. This movement also included secular forms described as Political Hesychasm and Laical Hesychasm. Hesychast doctrine was based on ideas of eternal divine energies and of Tabor Light. It means denying early-Christian an early-Byzantine concepts influenced by Gnostic dualism of principles Heaven and Earth with anti-somatic position. A common tenet of the Gnostic worldview is ontological pessimism as denying of fallen reality, corrupted by sin. In this regard, Hesychasm follows Eastern Orthodox tradition, but it has other position, which can be described as ontological optimism. Empiric material reality is not only the world of sin, but a space full of invisible divine energies such as *Tabor Light* from synoptic Gospels.

Keywords: Hagioritic tomos, Hesychasm, Gnosticism, Gregory Palamas, Tabor Light, byzantine philosophy.

УДК 2

К. С. Степшина, М. С. Лютаева

ГИПЕРРЕАЛЬНЫЕ РЕЛИГИИ КАК ПРИМЕР ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ

В работе исследуется феномен взаимовлияния популярной культуры и религии, который в том числе проявляется в образовании таких форм духовности, как гиперреальные религии. Анализируется концепт «гиперреальные религии», предложенный А. Поссамай, базирующийся на понятии симулякра (Ж. Бодрийяр) как ведущего принципа коммерциализированной культуры современности. Рассматриваются наиболее распространенные примеры гиперреальных религий, такие как джедаизм, матриксизм, дудеизм. Из российского контекста анализируется сталкерство.

Ключевые слова: популярная культура, симулякр, гиперреальные религии, джедаизм, матриксизм, дудеизм, сталкерство.

С развитием информационных технологий и массовой культуры представления людей о религиях стали меняться. В условиях социальных изменений, многочисленных кризисов и интенсивной урбанизации традиционные религиозные практики и институты оказываются не всегда способными удовлетворить запросы современных людей, которые ищут более гибкие, персонализированные и доступные способы духовного поиска. Такую ситуацию современные исследователи (например, Г. Мэтьюс) часто характеризуют как «религиозный супермаркет», когда религиозная идентичность выбирается и конструируется из вариантов, предложенных в культуре, в том числе популярной [11, с. 126]. С появлением Интернета и цифровых технологий духовные практики становятся более разнообразными и не привязаны к географическим или социальным ограничениям. Все больше людей начинают обращаться к альтернативным формам религиозности, которые могут быть более интегрированы в повседневную жизнь, но в то же время не требуют строгих обязательств, они не имеют четких рамок и определений, но в то же время отвечают потребностям человека в чем-то большем, чем просто материальный и физический мир. Главными чертами современной религиозности считают приватизацию, индивидуализацию религии и «религиозный bricolage» (т. е. комбинирование различных элементов). Напомним, что популярная культура воспроизводится в различных медиа (кино, телевидение, комиксы, видеоигры, музыка, шоу), она характеризуется массовостью и пре-

следует экономические цели, т. е. извлечение прибыли. Многие исследователи маркируют феномен взаимопроникновения популярной культуры и религии, в том числе Брюс Дэвид Форбс, который предложил четыре типа этой связи. Первый тип – «религия в поп-культуре», второй – «поп-культура в религии», третий – «диалог между религией и поп-культурой» и четвертый – «поп-культура как религия» [12, с. 15]. Именно последний тип связи для нас представляет наибольший интерес. Он ярко проявляется в том, как широкие массы, и в особенности молодежь, погружаются в различные фандомы, жанры и франшизы. Со временем такие сообщества поклонников могут трансформироваться в устойчивые субкультуры или даже в новые религиозные движения, поскольку предлагают людям альтернативную систему ценностей и эмоциональную вовлеченность, сравнимую с религиозным поклонением.

Для описания многообразных феноменов проявления религиозности исследователи ведут активный поиск адекватного понятийного инструментария. И. Вах ввел термин «псевдорелигии» для описания светских явлений, которые внешне напоминают религию, но, в сущности, ею не являются. В псевдорелигии человек соотносит себя не с «пределной реальностью» (Богом или священным), а с конечными, земными ценностями. Они имитируют религиозные формы, но лишены подлинного духовного содержания.

Немецкий теолог Пауль Тиллих развил идею Ваха о «псевдорелигиях» и предложил свой термин «квазирели-

гии», но делал акцент на их различиях. Если «псевдорелигия» предполагает обманчивое сходство с религией, то «квазирелигия» имеет подлинное сходство, основанное на идентичности некоторых аспектов. Тиллих определяет религию как «состояние захваченности предельным интересом», который ставится выше всех остальных интересов и даёт ответ на вопрос о смысле человеческой жизни. Под влиянием «страсти», порождаемой этим предельным интересом, человек начинает стремиться к определённым объектам, которые могут обретать статус «бога». Согласно Тиллиху, именно процесс превращения таких объектов в «богов» приводит к появлению квазирелигий. В них конечные, земные реальности замещают собой подлинные, абсолютные ценности, что искажает суть религиозного опыта. Таким образом, квазирелигии возникают, когда условные ценности возводятся на уровень сакрального, подменяя собой истинно предельные реальности [6, с. 157].

К. Кьюсак предлагает термин «придуманные религии» (*invented religions*), которые основываются на авторских нарративах, но функционально проявляют себя как «идентичные традиционным религиям» [11, с. 130]. Одной из ключевых идей, пронизывающих историю «придуманных религий», является мысль о том, что можно создать движение (или присоединиться к нему), зная, что оно изначально не является «истинным», но впоследствии обнаружить, что оно становится истинным для вас на личном опыте. Этот феномен бросает вызов традиционному представлению о том, что

намерения основателя религии имеют решающее значение, и что лидер, проповедующий ложь, может подорвать веру своих последователей [15, р. 4].

В центре внимания настоящего исследования – понятие «гиперреальная религия». Его интегрировал в религиоведение бельгийский социолог А. Поссамай (*Adam Possamai*, род. 1970). Гиперреальные религии (от англ. *hyper-real religion*, далее ГР) отвечают запросам постмодернистского (потребительского) общества, где границы между реальностью и вымыслом, серьёзностью и иронией становятся все более размытыми. Эти ГР становятся способом реконструировать и осмыслить духовность через призму массовой/популярной культуры, предлагая новые формы взаимодействия с идеями о добре, зле, происхождении и смысле жизни и вселенной. Социолог религии даёт следующее определение: «Гиперреальная религия – это симулякр религии, созданный на основе или в симбиозе с коммерциализированной (основанной на товарно-денежных отношениях) массовой культурой, который служит источником вдохновения на метафорическом уровне и/или является источником убеждений в повседневной жизни» [18, р. 20].

Нельзя не упомянуть о том, что концепция гиперреальных религий, разработанная А. Поссамай, имеет своим теоретическим источником работы французского философа Жана Бодрийяра, который утверждал, что мы живем в эпоху гиперреальности, созданной симуляциями. Ж. Бодрийяр считал, что популярная культура структурируется и воспроизводится

знаками и символами («экономика знаков»), которые не коррелируют с реальными объектами, не репрезентируют действительность, а получают свои значения от взаимодействия друг с другом. Формируется замкнутый круг симулякров, «дематериализованный» мир образов, которые не имеют никакой опоры ни в какой реальности, кроме собственной [19, р. 77 – 78]. Согласно концепции французского философа Ж. Бодрийера, в условиях постмодерна потребление трансформируется в обязательный социальный институт. Этот институт навязывает индивидам («субъектам потребления») готовую иерархию ценностей и, что наиболее существенно, представляет собой деятельность систематического манипулирования знаками [14, с. 197]. В связи с этой особенностью можно сказать, что гиперреальность – это такая ситуация, где реальное невозможно отличить от нереального. Вымышленный персонаж и его мир могут стать для потребителя массовой культуры более реальными, чем сама действительность. В этом контексте ГР возникают как своеобразный отклик на культурное насыщение симулякрами. Популярная культура, будь то фильмы, книги, игры или другие медиа, становится источником религиозных идей, символов и ритуалов [12, с. 14]. При этом границы между вымыслом и реальностью размываются, что приводит к возникновению верований и практик, которые, хоть и основываются на вымышленных мирах, воспринимаются последователями как вполне реальные и значимые. Таким образом, ГР представляют собой новый способ выражения религи-

озности, который формируется в условиях господства симуляций, спонсированных СМИ, в первую очередь книгами и кинематографом, но также могут основываться на поп-музыке, компьютерных и настольных играх. А. Поссамай считает, что первые примеры ГР появляются уже в 1960-х годах, однако феномен их большого распространения в 2000-х обусловлен развитием и повсеместной интеграцией в повседневную жизнь интернет-технологий.

Как отмечает О. К. Михельсон, важным отличием ГР является то, что источник их высшего авторитета находится не во внешних доктринах или институтах, а в самом индивидууме, в его личном опыте и интерпретации [11, с. 129]. Адам Поссамай выделяет три типа акторов, формирующих ГР: 1) «целенаправленные потребители» – сознательно создают новые формы духовности («джедаизм», «матриксизм»), трансформируют популярную культуру в религиозные практики; 2) «случайные потребители» – непреднамеренно смешивают элементы гиперреальных религий с традиционными верованиями (например, синтез христианства и готической субкультуры на ChristianGoth.com); 3) «критики» – религиозные и светские деятели, выступающие против сакрализации поп-культуры [18, pp. 6 – 8].

Рассмотрим наиболее резонансные примеры ГР. Одним из них является джедаизм, возникший в начале 2000-х годов. Джедаизм – это гиперреальная религия, вдохновленная франшизой Джорджа Лукаса «Звездные войны» («Star Wars»). Первый фильм основной трилогии вышел

в конце 1970-х. Последователи джедаизма называют себя джедаями-реалистами, дабы отличить себя от вымышленного изображения джедаев в фильмах, ведь у них нет световых мечей, они не могут выпускать молнии из пальцев, не могут заставлять предметы летать по комнате и выполнять другие фокусы, показанные в фильмах [2]. Джедаи-реалисты – это люди, которые осознали философскую ценность мифологии «Звездных войн», приняли и интегрировали ее мировоззрение и ценности в собственную жизнь. А. Поссамай, обращает внимание, что «“Путь джедая” выходит за рамки научно-фантастической серии “Звездных войн”. Он охватывает многие истины и практики основных мировых религий, включая дзен-буддизм, даосизм, индуизм, католицизм и синтоизм, и представляет собой одновременно искусство исцеления и медитативное путешествие, которое может пройти стремящийся к улучшению всех аспектов своей жизни» [19, р. 73].

Первая волна джедаизма как религиозного движения началась в 2001 году, когда в Великобритании тысячи людей указали свою принадлежность к джедаистам в анкете переписи населения [7, с. 338]. С тех пор движение распространилось по миру, привлекая множество последователей, среди которых не только поклонники кино, но и те, кто искал новый способ понимания и практики духовности.

Ключевой принцип учения – это идея самоотверженного служения, которая выражается в бескорыстной помощи людям и благотворительности. Философия и путь джедая заключает-

ся в постоянной внутренней борьбе с эгоистическими импульсами. Именно этот конфликт между долгом и собственными интересами находит свое отражение во многих сюжетных линиях вселенной «Звездных войн» [7, с. 337].

Краеугольным камнем этой религии является вера в Силу – всепроникающее энергетическое поле, подвластное тем, кто достиг определенного уровня духовного совершенства. Как гласит цитата Оби-Ван Кеноби из киносаги, Сила описывается как «энергетическое поле, создаваемое всеми живыми существами, которое окружает нас, находится внутри нас и связывает воедино Галактику» [3]. В управлении Силой существует дихотомия противоположных сторон: Светлой и Темной. Последователи Ордена джедаев практикуют Светлую сторону, требующую подавления эгоистических помыслов, гнева и корысти. Ключ к использованию Светлой стороны Силы – внутренний баланс и покой, а сфера применения ограничивается исключительно защитой. Темную же сторону, базирующуюся на страхе, агрессии, стремлении к власти и эгоизме, практикуют ситхи – противники джедаев.

У адептов джедаизма есть собственный кодекс из пяти постулатов и так называемые «прописные истины», в соответствии с которыми они строят свою жизнь. Например, джедаю важно уметь управлять своими эмоциями, которые не должны доминировать в процессе принятия решений [20].

В современном мире джедаизм продолжает развиваться и видоизменяться. Несмотря на свою относительно

недавнюю появившуюся религиозную форму, он продолжает привлекать поклонников, которые видят в нем альтернативу традиционным религиям.

Не менее популярным явлением считается «матриксизм», или, по-другому, «матрицизм», основанный на трилогии фильмов «Матрица». В 1999 году на экраны вышел фильм «Матрица» («The Matrix»), который оказал значительное влияние на научно-фантастический кинематограф.

Истоки матриксизма прослеживаются на интернет-сайтах и в общении с теми, кто способствовал его созданию. Хотя матриксизм публично заявил о себе в 2004 году, он претендует на более давнюю историю, связанную с верой Бахаи и ее основателем Бахауллой (Bahá'u'lláh, араб. بهاء الله, 1817 – 1892). Матриксизм опирается на упоминание «матрицы» в речах Абдул-Баха ('Abdu'l-Bahá, Persian: عبد البهاء, 1844 – 1921), сына Бахауллы, и рассматривает веру Бахаи как своего предшественника [9]. Последователи матриксизма называют себя матриксистами, патистами, футуристами или редпиллами («краснотаблеточниками» от англ. red pill).

Матриксизм подразумевает соблюдение четырех принципов. Первые три принципа, как утверждается, вытекают из «Матрицы», а последний – из религиозного опыта и связи с верой Бахаи:

1. Вера в пророчество о грядущем Избранном (подобном Нео).
2. Принятие психоделиков как таинства для доступа к различным аспектам реальности.
3. Признание полусубъективной многослойной природы реальности.

Матрица рассматривается как метафора правил и ценностей общества, а также гиперреальности.

4. Соблюдение принципов мировых религий до возвращения Избранного [9].

Матриксизм также отмечает два священных дня: День велосипеда (19 апреля) и День памяти и размышления (22 ноября). Символ матриксизма – японский иероглиф 赤, означающий «красный», отсылающий к красной таблетке из фильма [17].

Дудеизм (от англ. Dude – «чувак») представляет собой гиперреальную религию, сформировавшуюся на основе мировоззрения и жизненных принципов Чувака (главного персонажа культовой киноленты братьев Коэн «Большой Лебовски», 1988 г.) [8]. Основателем данного движения выступил Оливер Бенджамин, журналист из Соединенных Штатов (г. Лос-Анджелес), проживающий в Таиланде (г. Чиангмай). Институционализированное сообщество его последователей известно под названием «Церковь Чувака Последних Дней» (англ. The Church of the Latter-Day Dude). Согласно данным на январь 2017 года, численность официально сертифицированных «священников дудеистов», зарегистрированных через интернет-сайт организации, достигла 400 тысяч человек по всему миру. Центральный сакральный день в календаре дудеистов – 6 марта – дата выхода фильма в прокат [4].

Основная практика дудеистов заключается в глубоком анализе и возвышении нарратива культовой картины «Большой Лебовски». Они верят, что идеи, воплощенные Чуваком,

будучи оформлены в религию недавно, имеют глубокие исторические корни, восходя к древним учениям, таким как даосизм, точнее его изначальная форма, до того, как «он стал странным, с магическими трюками и телесными жидкостями» [16]. «Великими чуваками в истории», по мнению самих дудеистов, были такие персоны: Лао-цзы, Гераклит Эфесский, Эпикур, Будда и в особенности Иисус Христос [Там же].

Дудеизм адаптирует ряд учений даосизма, однако не касается метафизических и магических аспектов этой философии. Ключевой практикой этой ГР становится следование принципу «плыть по течению», а также спокойно и непринужденно воспринимать все жизненные проблемы и сложности. По сути, это очень напоминает даосскую концепцию «у-вей», что означает «недеяние», отрицание целенаправленной деятельности, идущей вразрез с естественным порядком вещей. Однако такое определение не подразумевает полного отсутствия деятельности или ничегонеделания. Понятие «у-вэй» означает меньшую активность или действие меньшего. Оно также подразумевает лишение искусственности и произвольности действий. Активность подобна вещам. Если её слишком много, то она наносит вред, а не приносит пользу. Цель любого действия – сделать что-либо. Излишнее усердие может привести к перевыполнению, что порой хуже, чем вообще неделание. Для адептов дудеизма несерьезное или легкое восприятие действительности выступает условием обретения внутренней гармонии и оптимальной моделью взаимодей-

ствия в социуме. Это мировоззрение сознательно противопоставляет себя культу карьеры и достижений, провозглашая главным приоритетом саму человеческую жизнь и её простые радости – от игры в боулинг до общения с друзьями, которые для дудеиста важнее погони за богатством [8].

Возникает резонный вопрос: не пропагандирует ли дудеизм идею лени? На официальном сайте дудеизма утверждается, что чувакизм объединяет в своих рядах не только безработных и людей, проводящих время в досуге, но также успешных городских жителей и миллионеров, а также всех, кто находится между этими крайностями. Ключевая идея заключается не в том, что Чувак ленив, а в том, что он искренен и верен себе. Он не поддается давлению общества и тревогам, связанным с социальным статусом, которые в противном случае могли бы заставить его чувствовать себя неполноценным из-за недостатка достижений в жизни. Дудеизм – это щит от чужого мнения, позволяющий жить так, как хочется, без чувства вины или смущения. Если вам нравится ваша работа, вы можете работать усердно, если это ваше желание. Истинная ценность заключается в том, чтобы находить радость и смысл в том, что делаешь [16].

Таким образом, в отличие от ригористичных традиционных религий, дудеизм (чувакизм) предлагает гибкую систему ценностей, свободную от строгих ограничений. Его адаптивность к современным реалиям и свобода интерпретации составляют основную привлекательность для молодежи, критически настроенной к

жестким религиозным доктринам. Кроме того, дудеизм сознательно противопоставляет себя популярному сегодня культу саморазвития, предлагая альтернативу в виде философии принятия и осознанной простоты во всем. Ведь из-за этого культа «успешного успеха» и саморазвития у многих людей в наше время развился комплекс неполноценности. Подростки, видя, как их ровесники уже зарабатывают миллионы, покупают родителям дом и прочее, начинают тревожиться по этому поводу, ведь у них такого нет. Дудеизм же призывает к расслаблению, принятию себя и своей жизни, учит находить радость в простых вещах, а не в бесконечном соревновании и стремлении к материальному успеху.

В российском контексте мы не встречаем зарегистрированных религиозных движений, возникших на основе продуктов массовой культуры. Некоторыми чертами ГР обладает субкультура сталкерства, вдохновленная рассказом А. Н. и Б. Н. Стругацких «Пикник на обочине» (1972) и фильмом А. Тарковского «Сталкер» (1979), созданного по его мотивам. Стругацкие создали фантастический мир, в котором после посещения инопланетян на земле появились особые Зоны, насыщенные загадочными артефактами и физическими аномалиями. Зоны наделяются статусом сакральности в отличие от окружающего их мира, основанного на товарно-денежных отношениях. Сталкеры (от англ. stalk – красться, подкрадываться) становятся своеобразными исследователями этих таинственных, одновременно опасных и манящих мест. В 2007 – 2009 гг. выходит трилогия

компьютерных игр S.T.A.L.K.E.R., в это же время стартует межавторская книжная серия, насчитывающая в настоящее время более 300 романов [1, с. 69]. Термин «сталкер» благодаря распространению сюжетов и образов нарратива в массовой культуре выходит за пределы своего фантастического вымышленного поля в повседневность и трактуется расширительно как «исследователь заброшенных мест» [5, с. 18]. Сталкерство никак не зарегистрировано в качестве формы духовного поиска, однако в Интернете мы можем найти страницы с кодексом сталкеров, своеобразным «сводом неписанных правил», чем-то напоминающих рыцарский кодекс чести. «Нулевые законы» сталкера следующие: он «в любой ситуации остается человеком во всех смыслах этого слова»; «текуч и гибок: только такой сталкер выживет в текучей и непостоянной Зоне»; «сталкер уважает Зону», «не бросает своих», «спокоен и холоден», «суеверен», «не боится смерти» [6]. За пределами игр сталкерство представляет собой поиск руинизированных труднодоступных объектов («заброшек»), их фото-, видеофиксация, эстетизация и осмысление, обсуждение в сообществах [5, с. 23 – 24]. Однако, даже будучи формой индустриального туризма, сталкерство неизменно сохраняет свою связь с тайной и опасностью. В ходе исследования опасных мест сталкер подвергает себя испытанию не только физическому (труднодоступность, опасность и т. п.), но проверяет и свою моральную устойчивость.

Таким образом, гиперреальные религии – это не только отражение

постмодернистского общества, но и своеобразный эксперимент, который ставит перед нами вопрос: что будет с религией завтра? Возможно, именно в этом синтезе вымысла и реальности, иронии и серьезности, индивидуального и глобального кроется будущее духовности человечества. ГР, как мы можем констатировать из исследования, распространены в Западной Европе и США, где и зарегистрированы как религиозные объединения. Рос-

сийский контекст отличается большей консервативностью и традиционностью, однако тоже демонстрирует черты интеграции религии и популярной культуры в новых современных формах выражения религиозности. ГР отличаются тем, что источник их возникновения из нарративов и образов популярной культуры осознается акторами, однако воспринимается как личный выбор и религиозная самоидентификация.

Библиографические ссылки

1. Абашев В. В., Абашева М. П. Новеллизация игровой вселенной как серийное производство : межавторский цикл S.T.A.L.K.E.R. – STALKER – СТАЛКЕР // Культ-товары. Массовая культура в современной России: конструирование миров, умножение серий. Гродно : Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, 2020. С. 68 – 84.

2. Бишоп Дж. «Что такое джедаизм и во что они верят?» [Электронный ресурс] // Энциклопедия религии, общества и философии Бишоп. URL: <https://jamesbishopblog.com/2019/12/17/what-is-jediism-and-what-do-they-believe/> (дата обращения: 31.08.2025).

3. Джедаизм [Электронный ресурс] // Энциклопедия Руниверсалис. URL: <https://руни.рф/Джедаизм> (дата обращения: 31.08.2025).

4. Дудеизм [Электронный ресурс] // Там же. URL: <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Дудеизм> (дата обращения: 31.08.2025).

5. Жакова В. Ю. Эстетизация руин в постсоветской культуре сталкерства [Электронный ресурс] // Art of science : материалы VI Междунар. гуманитарн. науч.-практ. конф. Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2023. С. 18 – 31.

6. Кодекс сталкеров [Электронный ресурс]. URL: <https://stalkeruz.com/novosti/kodeks-dlstalkerov.html?ysclid=me950xg8y911122270> (дата обращения: 31.08.2025).

7. Лапшин В. А. Джедаизм [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhedaizm/viewer> (дата обращения: 31.08.2025).

8. Леона Анян. The dude abides. Большой Лебовски на все времена [Электронный ресурс]. URL: <https://ananyanleona.wordpress.com/2015/03/07/the-dude-abides-большой-лебовски-на-все-времена/> (дата обращения: 31.08.2025).

9. Матрицизм: философия и религиозные практики [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20081225091136/http://www.geocities.com/matrixism/> (дата обращения: 31.08.2025).
10. Михельсон О. К. От «псевдорелигии» и «квазирелигии» к «имплицитной религии». Теологизм в исследованиях современной религиозности // Вестник Орловского гос. ун-та. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 155 – 159.
11. Михельсон О. К. Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию religion-like phenomena в современном религиоведении // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 122 – 137.
12. Павлов А. Гиперреальная религия, Лавкрафт и культ «Зловещих мертвецов» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 3. С. 12 – 40.
13. Сафронов Э. Популярная культура как религия : обзор на: Adam Possamai (ed.) (2012). Handbook of hyper-real religions. Leiden – London: brill. 441 p. // Журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». 2019. № 3. С. 277 – 283.
14. Фазлеева Е. Р. Гиперреальная религия и гиперреальный атеизм как новые формы существования в пространстве знаково символического потребления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 6 (68) : в 2 ч. Ч. 1. С. 197 – 199.
15. Cusack C. M. *Invented Religions: Faith, Fiction, Imagination*. Surrey, Burlington, Ashgate Publishing Company, 2010. VIII, 179 p.
16. Dudeism [Электронный ресурс]. URL: <https://dudeism.com/> (дата обращения: 31.08.2025).
17. Matrixism [Электронный ресурс]. URL: <https://religion.fandom.com/wiki/Matrixism> (дата обращения: 31.08.2025).
18. Possamai A. *Handbook of Hyper-real Religions*. Leiden – Boston : Brill, 2012. 455 p.
19. Possamai A. *Religion and Popular Culture. A Hyper-real Testament*. Brussels : P. I. E. Peter Lang, 2007. 176 p.
20. The Jediism Way [Электронный ресурс]. URL: <https://thejediismway.net/#> (дата обращения: 31.08.2025).

**HYPERREAL RELIGIONS AS AN EXAMPLE OF MUTUAL
INFLUENCE OF POPULAR CULTURE AND RELIGION**

The paper examines the phenomenon of mutual influence of popular culture and religion, which, among other things, manifests itself in the formation of such forms of spirituality as hyperreal religions. The concept of "hyperreal religions" proposed by A. Possamay is analyzed, based on the concept of "simulacrum" (J. Baudrillard), as the leading principle of the commercialized culture of modernity. The most common examples of hyperreal religions, such as Jediism, Matrixism, Dudeism are examined. Stalkerism is analyzed in the Russian context.

Keywords: popular culture, simulacrum, hyperreal religions, Jediism, Matrixism, Dudeism, stalkerism.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ГОРСКАЯ Наталья Ивановна – доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета,
г. Смоленск
Gorskaya-N@yandex.ru

ГОРЯЧЕВ Григорий Дмитриевич – специалист по культурно-образовательной
деятельности МБУК «Ковровский историко-мемориальный музей», г. Ковров
grigoriy.goryachev.98@mail.ru

ГУРИНА Валентина Владимировна – аспирант кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
valentinagurina@gmail.com

ИВАНЕНКО Алексей Игоревич – кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры истории и философии Высшей школы технологии и энергетики
Санкт-Петербургского государственного университета промышленных
технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург
iwanenko.aleksej@yandex.ru

КОРНИЛОВ Николай Викторович – кандидат филологических наук
доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
kornilov_nikolai@mail.ru

КРИВЧЕНКОВ Глеб Валентинович – кандидат исторических наук
преподаватель МБОУ «СШ № 35» г. Смоленска, г. Смоленск
krivcen123@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Елизавета Александровна – студентка Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых, г. Владимир
elizaveta_k03@mail.ru

НИКИТИНА Виктория Константиновна – старший преподаватель кафедры
журналистики, рекламы и связей с общественностью Владимирского
государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых, г. Владимир
nikvik@mail.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Владимир
liutaeva@yandex.ru

ПИМЕНОВА Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой русского языка Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Владимир
pimenova-vgpu@yandex.ru

СИРОТА Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент
доцент Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо, г. Бельцы,
Молдова
sirotaelena@mail.ru

СТЕПШИНА Ксения Сергеевна – студентка Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых, г. Владимир
kseniastepsina56268@ gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

GORSKAYA Natalya Ivanovna – Doctor of History, Professor
Professor of the Department of Russian History Smolensk State University, Smolensk
Gorskaya-N@yandex.ru

GORYACHEV Grigory Dmitrievich – Specialist in cultural and educational activities of the MBUK “Kovrov Historical and Memorial Museum”, Kovrov
grigoriy.goryachev.98@mail.ru

GURINA Valentina Vladimirovna – postgraduate student of the Department of History of Russia of Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir
valentinagurina@gmail.com

IVANENKO Aleksey Igorevich – PhD (Philosophy), Associate professor
Associate professor of the Department of History and Philosophy of the Higher School of Technology and Power Engineering of the St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg
iwanenko.aleksej@yandex.ru

KORNILOV Nikolay Viktorovich – PhD (Philology)
Associate professor of the department of Journalism, Advertising and Public Relations of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir
kornilov_nikolai@mail.ru

KRIVCHENKOV Gleb Valentinovich – PhD (History)
teacher at the Municipal Budgetary Educational Institution “Secondary School № 35” of Smolensk, Smolensk
krivcen123@gmail.com

KUZNETSOVA Elizaveta Aleksandrovna – student of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir
elizaveta_k03@mail.ru

NIKITINA Victoria Konstantinovna – Senior Lecturer Department of Journalism, Advertising and Public Relations of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir
nikvik@mail.ru

LYUTAEVA Maria Sergeevna – PhD (Philosophy)

Associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies
of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletov,
Vladimir

liutaeva@yandex.ru

PIMENOVA Marina Vasilievna – Doctor of Philology, Professor

Head of the Department of Russian Language of Vladimir State University named
after Alexander and Nikolay Stoletov, Vladimir

pimenova-vgpu@yandex.ru

SIROTA Elena Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor of the Alecu Russo Beltsy State University, Beltsy, Moldova
sirotaelena@mail.ru

STEPSHINA Ksenia Sergeevna – student of Vladimir State University
named after Alexander and Nikolai Stoletov, Vladimir

kseniastepsina56268@ gmail.com